

По городу ходим с сестрой. Вот пристань, откуда, может быть, отплывали купцы и легендарный Садко за три моря, вот памятник тысячелетия России; древний новгородский кремль с детинцем и церквями. Ездили на другую сторону реки, где до сих пор сохранились торговые ряды, амбары и склады купцов и торговых людей. После Новгорода наш путь в Лугу – небольшой провинциальный городок. Здесь живут Двинины, наши соседи по улице Марата в Мурманске. К сожалению, Фантина Александровича уже не было, тут он скончался и похоронен, а жена его, Прасковья Михайловна, жила с детьми и внуками в своем небольшом домишке. Недалеко от Двининых в сосновой роще дача Клещева Василия Дмитриевича, зятя Двининых – настоящие хоромы с переходами и пристройками, хорошей мебелью и красивой посудой, ведь хозяин дачи был богат, долгое время работал в высших эшелонах власти на хозяйственных и партийных должностях.

Через несколько дней снова в дороге. Сначала Устюг, Кузино, а затем на пароходе до Исады. Дальше добираемся на автобусе, откуда до Покровки остается 10-12 километров. Этот участок дороги, лесной и болотный, преодолеваем пешком. И вот показались крыши домов, заброшенных воломцами. Дома как дома, но никто в них не живет. Идем на Погост через Покровку, в которой осталось всего два жителя: Сырников Владимир с женой Клавдией. В Погосте жизнь теплится в трех домах: Маклаков Александр с женой, Ядрахинская Галина с мужем и Попова Елизавета – всего пять человек. В Мокеихе осталось две семьи: Попов Петр с женой Лидией, да Вопиловский Михаил с женой. На Зимняке, Дору, Корелке, Мельнице жителей нет.

В Погосте сохранился дом дяди Федора Петровича – нежилой. Пустила нас в дом Елизавета Андреевна Попова. Неуютно в пустой деревне, не видно людей, нет скота, не бегают дети, не кричат. Даже голубей и галок, живших в изобилии на церкви и колокольне, не видно. Расспрашиваем тетю Лизу: как получилось, что деревня опустела?

– Долго рассказывать, – уныло говорит она. Началось с колхозов, убегали в город. В войну много мужиков не вернулось домой. После войны жизнь была тяжелая: сдай картошку, мясо, шерсть, масло, яйца, шкуры. Потом, при Хрущеве, пошла напасть на коров, не разрешали косить сено для скота, обрезали приусадеб-

ные участки. На две семьи держали одну корову, поочередно доили. Уезжали молодые парни и девки в город на учебу. Не стало детей – закрыли школу, объединили все деревни в один колхоз. А люди всё уезжали. Закрыли магазин, ликвидировали сельсовет, потом почту. Остались в деревне одни пенсионеры. Сбываются слова святого Симона: «Была пустыня и будет пустыня», – заключила Елизавета Андреевна.

– А страшно жить в деревне? – спрашивает Рая.

– Страшно, Раюшка, непривычно, людей мало, а еще хуже – продуктов не возят, хочешь не хочешь, а надо уезжать. Деревня наша, говорят, неперспективная. Пока живу держу собак чтобы было веселей.

Идем на горушку к церкви. Прилетели голуби – за несколько дней жизни в Воломе впервые. Бегу домой за хлебом. Крошу хлеб, приманиваю, а они нисколько не реагируют, не летят на корм. Так и остались крошки нетронутыми. Видимо голуби одичали. Зарастают луга и пашни, не стало тропинок и дорожек от деревни к деревне. Пошли на Изговориху – еле пробрались между кустов и деревьев на полянку. Полянка – не полянка, заросла молодой порослью, кустами ивняка, березой, ольхой, рябиной. Да что полянка, луга и пашни зарастают.

Путешествие по родным местам продолжается. Покидаем Волому, теперь наш маршрут на мою родину – в Унежму. Во второй половине августа приезжаем в отцовский дом. Наша соседка Алимпиада Петровна живет в доме дяди Александра, рядом в доме Никандра Ульянова – Анфиса Григорьевна Евтюкова, дальше на задах Анна Федоровна с сыном Толей, с другой стороны нашего дома – Прасковья Прокопьевна, через дорогу от нее – Варвара Фоминична Куколева. На морском ряду – Августа Ивановна Варзугина, чуть дальше Евтюкова Елизавета Федоровна, затем Бездетных Григорий Андреевич с женой и сестры Анна и Матрена Ульяновы. Около Великой вараки – Анна Александровна Куколева, повыше в доме Евтюкова Толи – Капитолина Самойловна Варзугина, рядом с ней Евтюков Вениамин и Куколева Ольга Григорьевна, за церковью под горой Варзугина Надежда Петровна.

Поселились в своем доме. Морошка уже отошла, собираем чернику и голубику. Голубики много, собираем ведрами, не успеваем съедать. Ловим камбал, в свободное время ходим по деревне,

посещаем вараки, любимся видом на море с высоты. О нашем посещении Унежмы жители деревни говорили: «Оденутся во всё хорошее и ходят по деревне, всё высматривают да выглядывают». В конце августа покинули Унежму.

Опять туманный, сырой, холодный Мурманск. Полярная ночь. Не успеет заняться рассвет – наступает темнота, не хватает воздуху. Рая опять начала болеть: колет в сердце, слабость, не может ходить, на ходу падает, ей тут не климат. Начинаю всё больше задумываться о переезде поужнее, об обмене квартиры. И тут в нашей невеселой жизни появился луч света: получили письмо из Воломы. Вот его содержание:

Дорогие товарищи!

К вам обращаются с просьбой ветераны 173 СД. Мы разыскиваем своих однополчан и среди них замечательную девушку-телефонистку нашей дивизии Раечку Маклакову. Случайно сохранился ее старый адрес 1945-го года. Может быть в деревне живет кто-либо из ее родных, а может быть и она сама до сих пор в родных краях. Сообщите, пожалуйста, что вам известно. Раиса Петровна Маклакова имела мать и несколько братьев и писала нам из родной деревни после войны в 1945-м или в 1946-м году.

*Заранее вам признательна, член Совета ветеранов
173 СД Н. Прозорова (Прозорова Наталия Сергеевна)
Обратный адрес: 252103 Киев-103, ул. Киквадзе д. 4а, кв. 49*

На обороте этого письма корявым почерком написано: «Рая письмо пришло ис Киева Алексану Моклокову вроде разыскивает девушка тебя вот мы тебе послаем от ее ответ».

Какая радость! Шумим, перебиваем друг друга, вспоминаем войну, боевых друзей, Наташу Прозорову, разыскавшую нас. Есть и у нас, оказывается, совет ветеранов – значит будем встречаться, побываем на местах боев. В тот же день, то есть 20 января 1976 года, пишем ответ, а 5 февраля получили от Наташи письмо:

Дорогие Раечка и Ваня («Ульяныч»)!

Поздравляю вас с тем, что вы нашлись. Раечка, давайте немедленно и срочно поправляться! Что с тобой? Не надо ли лекарств, медконсультации, какой-то помощи? Сообщаю вам самое

главное: встреча ветеранов 173 СД планируется в этом году с 20 по 24 мая 1976 г. Пишет об этом Конаков Петр Тимофеевич (зам.ком.дивиз. по полит. части). Будут вручаться значки ветеранов дивизии и др. мероприятия. Готовьтесь! Адресов ветеранов у меня немного, но в совете ветеранов собраны все. К сожалению наших из роты связи мало. Зина, Тоня, я, да теперь вы двое.

Пишите о себе. Чем занимаетесь, как живете?

Крепко обнимаю.

Наташа. 5 февраля 1976 г.

Через небольшой промежуток времени получаем от Наташи письмо с адресами однополчан. Иванов Николай Николаевич – председатель совета ветеранов 173 СД. Затем перечисляются адреса ветеранов, которые участвовали в первой встрече в 1975 году: Горлова З.А., Конаков П.Т., Ковалева А.Г., Миранович В.Д., Голубева М.А., Потяркин К.А. и др. Потяркин, как пишет Наташа, к нам «ближний», и первое нам задание: «Узнайте, нет ли кого из ветеранов в вашем городе».

О том, что в Москве есть совет ветеранов нашей 173 СД, Рая написала Фаине Барановой, адрес которой у нас был. Вскоре получили ответ:

Милые мои хорошие друзья, Рая и Ваня!

Вы даже представить не можете, какую волну чувств всколыхнули во мне своим письмом! До чего же я рада и благодарна вам за него. Сразу же села и написала Наташе Прозоровой и в Москву Блинову В.Г. Прошу его, умоляю не обойти меня стороной, тяжело мне будет, если не получу приглашения. Сколько лет мечтаешь о дне таком и не попасть – мне кажется не переживу...

Милые мои, как только запахло весной, я лежу симулирую помаленьку, зато сегодня ваше письмо поставило меня на ноги и заставило сердечко стучаться, а меня двигаться. Родные мои, как хочется дожить до 20 мая! Я хоть ползком приползу, если даже и не позовут, только одно смущает: у меня негде остановиться в Москве. Милые мои, хорошие, пишите мне еще, держите в курсе дел.

*Целую, обнимаю,
Фаина*

Вот такое письмо от нашей однополчанки, радистки роты связи Барановой Ф.Н. Из него видно, как истосковался человек по своим боевым друзьям, как хочется повидаться с юностью. Когда Фая пришла к нам в дивизию, ей не было восемнадцати лет. Все лучшие годы ее, как и наши, прошли на войне, под разрывами бомб, снарядов, вой пуль и осколков. Мы видели убитых, искалеченных, смерть ходила за нами по пятам. Но души наши не зачерствели, не озверели, они стали еще более щедрыми, миролюбивыми, а фронтовая дружба еще более окрепла. Хотелось увидеть тех, с кем тридцать лет назад сидел в окопе, землянке, ел сухарь, делился последней сигаркой, вместе хоронил погибших товарищей, радовался Победе. И вот этот день, день встречи с фронтовыми друзьями, приближается.

Знаем по себе: каждому хочется побывать на встрече, но не все знают о ней. География наших однополчан разнообразна: были украинцы, белорусы, узбеки, казахи, армяне, грузины, азербайджанцы, таджики, карелы, татары, чуваша, мордвина, башкиры, удмурты, марийцы, коми, буряты. Из семидесяти приглашенных на первую встречу, состоявшуюся в мае 1975 года, прибыло 56 ветеранов.

И вот мы в Москве. Нашли место встречи – Мурманский проезд, дом 8, ГПТХУ-64. Большой светлый зал шумит и ликует. Входим: зал затихает, а потом взрывается – узнали нас однополчане. Подходит Зина Иванова, потолстевшая, располневшая, а на лицо всё та же что в 1944-1945 гг. Бегом бежит к нам Фая Баранова, подходит Коля Попов, Шестаков Георгий. Все возбуждены, рады встрече. После регистрации собираемся отдельно и обсуждаем свои вопросы. Нас шесть из 426 батальона связи. Мало, ох как мало, но и это хорошо, начало положено.

Программа встречи расписана Н.Н. Ивановым по минутам: 21 мая – встреча с учащимися художественного училища, уроки мужества, затем вручение знаков «Ветеран 173 СОКД», открытие комнаты боевой славы, а в 14 часов торжественное собрание в клубе завода «Калибр» – встреча с боевыми знаменами.

Торжественные незабываемые минуты. Оркестр исполняет марш. На сцене изображение «9 мая», на плакате надпись «31 год спустя» – это девиз нашей встречи. Вступительное слово произносит Н.Н. Иванов. Подается команда: «Для встречи с боевыми зна-

менами 173 стрелковой Оршанской Краснознаменной дивизии прошу встать! Знамена дивизии внести!» На сцену вызываются части и подразделения, в том числе ветераны 426 отдельного батальона связи – восемь человек (после нас приехала Ковалева Тоня с Алтая и пришел командир батальона Макаров Д.Д.)

Три часа, как одна минута, пролетели незаметно. Поднимались на сцену убеленные сединой, умудренные опытом, обвешанные боевыми орденами и медалями ветераны, помолодевшие, радостные. Подходили к знаменам, становились на колени и целовали шелк боевого знамени. Некоторые плакали как дети, другие прятали набегавшую слезу. После приветствий, произнесенных командиром роты 1311 полка Васютчиковым В.Ф. и гражданином Польской Народной Республики Чиж Збигневом, принимается обращение к ветеранам 173 СОХД. Выносятся знамена.

В тот же день в 18 часов – товарищеский ужин в ресторане «Ярославль». Было весело, шумно, интересно, зачитывались поздравления от командования 31 армии, частей и подразделений, выступали Блинов, Конаков, Яровой, пели фронтовые песни. Читала свои стихи Нина Новосельнова:

В блиндажах под снегом в три наката,
В стороне от всей большой земли,
Руки обожженные солдата
С нежностью на плечи мне легли.

Я жила, как все: на перегоне
Бурями исхлестанных ночей,
Но промчались взмыленные кони
По судьбе, по юности моей...

Засиделись допоздна. Шли по вечерней Москве, сверкающей огнями, на квартиру к Викторине Стуловой, сестре погибшей в Восточной Пруссии Веры Стуловой.

День 22 мая начался с посещения мавзолея В.И. Ленина, затем возложение венка к Могиле Неизвестного солдата и экскурсия в центральный музей Вооруженных сил СССР. Вечером все 72 ветерана в Центральном академическом театре Советской армии смотрели премьеру спектакля «Мы – русский народ». На квартиру вернулись поздно вечером.

23 мая к 8.00 собрались у ГПТХУ. Предстоит поездка по местам боевой славы героической обороны Москвы на волоколамском направлении, посещение музея и мемориала 28-ми героям-панфиловцам.

Волоколамское шоссе. По обе стороны его, особенно у населенных пунктов – обелиски, могилы, на пьедесталах танки и орудия. 41-й километр. Здесь танкисты преградили путь гитлеровской армии, стояли насмерть. Останавливаемся в Волоколамске передохнуть, попить водички, полакомиться мороженым, и опять вперед. Вот и мемориал 28-ми героям-панфиловцам. Шесть громадных фигур олицетворяют шесть национальностей. Рядом окопы, ходы сообщений, музей и памятник-стела. Минута молчания. У памятника Н.Н. Иванов вручает значки «Ветеран 173 СОКД», фотографируемся. Недалеко от мемориала – церковь и колокольня, разрушенные и заброшенные. На колокольне в 1941 году был наблюдательный пункт 150 отдельной стрелковой бригады, прародительницы 173 СД. На обратной дороге останавливаемся у памятника комсомольцам-подпольщикам. В Волоколамске – обед.

24 мая. Отчетно-выборное собрание ветеранов дивизии, выборы нового состава. К 13 часам заканчиваются все мероприятия. Совещаемся, что будем делать в оставшееся время. Зина Горлова (Иванова) приглашает на обед, все соглашаются. Предварительно закупаем спиртное, закуски. На улице Гримау у Зины двухкомнатная квартира. Сидели, разговаривали, незаметно прошел вечер. Распрощались как добрые сердечные друзья. Сколько бы лет ни прошло, мы, познавшие дружбу на войне, всегда будем дорожить ею, потому что нет ничего крепче дружбы, рожденной в огне, в испытаниях фронтовых будней.

Кроме своих друзей-связистов, на встрече завязалась дружба со многими ветеранами дивизии. Узнали Иванова Н.Н. и его жену Александру Ивановну, Блинова В.Г. и его жену Марию Алексеевну, Малыгина Н.А., ныне генерал-майора, а во время войны лейтенанта оперотдела, Ярового И.Д. – командира 1313 полка, Конакова П.Т. – начальника политотдела, связистов арtpолка – Голубеву М.Г. и Маковеева А.А., парторга 1311 СП Потяркина К.А., комсорга того же полка Нину Шалову. Познакомились с человеком из легенды, героем-разведчиком Владимиром Иосифовичем Солуяновым, о котором написана документальная повесть «Жизнь стоит дорого».

Уезжали из Москвы радостные, веселые, помолодевшие, получив громадный заряд бодрости. Он был необычайно велик: вспоминали нюансы встречи, рассказывали родным и знакомым о днях, проведенных в Москве с однополчанами. Возвратившись из Москвы, начали розыск однополчан. Послали письма в газеты «Полярная Правда» (Мурманск), «Правда Севера» (Архангельск), «Красный Север» (Вологда) и другие областные газеты. Письма были одного содержания. Вот текст:

Чтобы встретиться

В мае в Москве встречались ветераны 173 стрелковой Оршанской Краснознаменной дивизии, которая в большинстве состояла из северян. К сожалению, на этой интересной встрече было мало участников. Очевидно, многие о встрече не знали. Совет ветеранов дивизии просит однополчан откликнуться по адресу: 183038, г. Мурманск, ул. Воровского, д. 17 кв. 37, И.М. Ульянову.

В велико-устюгскую районную «Советская Мысль»:

Отзовитесь, однополчане!

В мае месяце в Москве состоялась встреча ветеранов 173 СОКД. К сожалению, не все приехали на нее. Не увидели мы Пашу Муромцеву и Катю Макиевскую. П. Муромцева была телеграфисткой, при выполнении боевого задания ее тяжело ранило. Е. Макиевская за мужество награждена боевыми орденами и медалями. Возможно, в Великом Устюге проживают другие участники Великой Отечественной войны – ветераны 173 стрелковой дивизии. Отзовитесь, друзья-однополчане!

Через небольшой промежуток времени получаем письмо от Паши Новосельцевой (Муромцевой) из Великого Устюга. К сожалению оно не сохранилось – послали вместе с заметкой в «Работницу». Но очень хорошо помню его содержание. Это тревожное, полное безысходности письмо запало в душу. Оказывается после ранения Паша долго лечилась, почти два года возили ее по госпиталям – болели раненные ноги. Они вздулись, как бревна, начиналась гангрена. Пришлось делать продольные разрезы. Сочилась кровь, появилась гной, а затем от долгого лежания и плохой санобработки – черви.

Но сильный молодой организм победил: раны стали заживать, при помощи палок стала ходить. Привезла ее домой в Устюг медсестра в комнату к сестре Марии, у которой было двое детей. Инвалид второй группы, без жилья, передвигалась на костылях, лечилась травами, и через два года закрылись казалось бы незаживающие раны. Вызвали на ВТЭК. Перевели на третью группу, т.е. рабочую. Пошла работать на телеграф, где трудилась до войны. Там ее хорошо знали как одну из лучших телеграфисток – принимала безошибочно на слух. С трудом передвигаясь, работала. Через некоторое время сняли третью группу. Вышла замуж, но не долго продолжалось семейное счастье – муж заболел и вскоре умер. Небольшой домик, в котором она осталась жить, свекровь продала, так как он был записан на нее. Опять пошла к сестре, жившей в одной комнате, у которой подросли две дочки. Более тридцати лет ежедневных мук в семье и на работе! Паша стояла перед выбором: жить или покончить с жизнью. Ее обращения в военкомат, горсовет никаких успехов не приносили: все выслушивали, обещали, но никто не помогал.

Прочитав ее тревожное письмо решили: чем можем будем помогать. А помощь ей нужна была в получении жилья и установлении инвалидности. Написали в военкомат и горсовет. В ноябре 1976 года получаем ответ: «В виду большого списка очередности нуждающихся в жилье граждан удовлетворить просьбу заявительницы исполком не имеет возможности». Поняли что бесполезно писать в Устюг. Решили обратиться в «Работницу», благо там была рубрика «Как поживаешь, ветеранка?» И вот получаем письмо из Вологды из областного отдела социального обеспечения:

«На Ваше письмо, поступившее через редакцию журнала «Работница», областной совет социального обеспечения сообщает, что т. Новосельцева П.И. освидетельствована в областной ВТЭК. Установлена III группа инвалидности по ранению на фронте».

Вскоре пришло письмо от Паши, полное благодарности и радости. А в январе 1977 проснулся велико-устюгский военком подполковник Свистов и сообщил: «Оформлены необходимые документы для рассмотрения в постановке на очередь как инвалида Отечественной войны».

Осенью 1976 года до того жившие на чердаке у Саши Малькова Валера и Валя с Димкой получили благоустроенную квартиру. Поехали с женой в Петрозаводск на новоселье. Бывали в нем весной и летом, и всегда он нам нравился. Тихий, зеленый, вполне благоустроенный город Петра звал, манил. Снабжение в то время было хорошее, под стать мурманскому. Узнали что здесь живет много мурманчан-пенсионеров, поменявших мурманские квартиры, в том числе Евдокия Васильевна с мужем и дочкой, Ульянов Василий Иванович с женой, Базанов Павел Михайлович с Калерией, Мартынов А.В. и другие.

Решили менять свою благоустроенную квартиру на Петрозаводск. Дали задание сыну Валере подыскать подходящее жилье, благо с нами уже никто не жил. Галя с Володией занимали комнату на ул. Кирова, Сереже я выпросил комнату на заводе, которую передали Севрыбхолодфлоту для него. Он работал во флоте механиком морозильной установки на БМРТ. Екатерина Петровна, жившая у нас более восемнадцати лет, в 1965 году уехала к сыну Илье Петровичу в Кузино. Не хотела в холоде умирать, на камнях лежать. Там она прожила еще три года и умерла в 1968 году.

Как относились к нашему переезду родные и знакомые? По разному! «Поезжайте и живите в Петрозаводске, потом мы к вам приедем», – говорили Володя и Галя. «От смерти нигде не спрячешься. Мы будем здесь помирать», – заявила тетя Нюра (Анна Матвеевна Абрамова). В этом 1991 году она и Иван Иванович отпраздновали 85-летие. Долго и счастливо пожили эти старички, наши знакомые.

«Приезжайте, квартиру найдем», – сказали Валя и Валера. И вот Валера сообщил: обмен найден по проспекту Октябрьский. Еду в Петрозаводск. Дом 75а по пр. Октябрьскому во дворе за телеателье «Электрон» – хрущевская скороспелка. Подымаемся на второй этаж. Двухкомнатная квартира 27 кв. метров, в середине кухня 5 кв. метров, окна все на юг, грязно, есть клопы. Под окном деревья: рябина, черемуха, сирень, тополя, клены, даже каштан. С хозяевами договорились произвести обмен. Еду в Мурманск, упаковываю вещи, заказываю контейнеры. В марте 1977 года переезжаю в Петрозаводск. Рая в то время лечилась в Марциальных водах.

Выгрузили мебель, вещи, обувь, одежду в маленькую комнату – еле запихали. Большую решили сразу ремонтировать. Хожу

по новой квартире и смотрю, сравниваю с мурманской. Хрущевка – потолки низкие, коридор маленький, кухня три шага вдоль и три поперек, но для двоих хватит. Приехала жена, осмотрела новое жилье, грустно села на стул и говорит:

– Какая халупа, как тут жить?

– Отремонтируем, побелим, покрасим и будет хорошо, – отвечаю я.

Принялись за ремонт, ободрали обои, сделали санобработку, промыли стены, отремонтировали двери, покрасили окна и двери в белый цвет, полы в коричневый. Квартира стала похожа на жилье: светлая, теплая, тихая. А жена всё хмурая, нет-нет да и напомним о Мурманске. Тяжко мне слушать ее заунывные причитания. Чтобы убить время делаю альбомы с фотокарточками, построил шкаф под окном на кухне, расширил подоконник.

В октябре 1977 года пошел работать в магазин «Гастроном» № 9 рабочим II разряда. Работа не сложная, но и не денежная: 120-140 рублей в месяц. Все же добавка к 120-рублевой пенсии. После того работал в магазине № 13, а в 1979 году поступил в городскую санэпидемстанцию сторожем, где работал до 12 ноября 1983 года.

В марте месяце 1978 года получаем письмо от Совета ветеранов 31 армии с сообщением, что 13-14 мая в Москве будет встреча ветеранов нашей армии. Сразу же написали письмо о своем согласии, выслали необходимую сумму денег и просили забронировать места в гостинице.

12 мая мы в Москве. Определились с жильем: будем жить в «России» в двухместном номере. 13 мая идем в Александровский сад, где намечен сбор по подразделениям. Вот наша 173 СОКД, рядом 220, чуть подальше 133, 88, 62, артолки, медсанбаты, различные подразделения 31 армии. Здесь на встрече после 33-летнего перерыва увидели Пашу Новосельцеву и командира взвода Кузнецова М.Л. Пришли на сбор москвичи Зина Иванова, Маша Голубева, комбат Макаров Д.Д. Встречи, встречи, новые знакомства. В тот же день смотрели музей им. В.И. Ленина, Исторический музей, панораму «Бородинское сражение», а в 19 часов концерт мастеров искусств в Кремлевском Дворце съездов.

14 мая в Политехническом музее того же института состоялось собрание ветеранов 31 армии. По окончании его, построившись в полторатысячную колонну, прошли по улице Куйбышева

до мавзолея, где возложили венок Ленину и на Могилу Неизвестного солдата. Венки возлагали председатель совета ветеранов, начальник политотдела 31 армии генерал-лейтенант Русских А.В., председатели советов ветеранов дивизий, командир 88 СД генерал-майор Антонов. Побывали в мавзолее, посмотрели Володю Ленина (Ульянова).

Вечером в ресторане «Россия» товарищеский ужин. Радостные смеющиеся лица, добрые приятные улыбки и слова, сияние орденов, звон медалей – настроение самое возвышенное. Отступили болезни, недомогания, забыты раны, сложности жизни, неудачи в быту. Громадный банкетный зал гудит. Выступают руководители, зачитываются поздравления, предлагаются тосты, затем включается музыка. Вспомнив свою неудавшуюся юность, прерванную войной, танцуют старые седоголовые люди, кружат вальсы, краковяк, полечку, танго, русского, цыганочку, поют частушки, фронтовые песни. Большинство мужчин, но есть и женщины. Подруги наши фронтовые тоже постарели, пополнели, побелели, но не сдаются старости, поют, шутят, смеются. На некоторых столах спиртного оказалось мало и кое-кто бегаёт в буфет подкупает, но пьяных никого нет, все в форме. Опять воспоминания о боевых днях, пройденном пути, фронтовых товарищах. Крепка фронтовая дружба, крепче ее нет, потому что она скреплена кровью. То там то тут слышишь: «А помнишь бой под Смоленском? Не забыл «котел» под Минском? А как Цинтен брали?» У каждого свой Минск, свой Цинтен, своя Сталица и Боброво.

Минута молчания в честь тех, кто погиб на войне и умер от ран и контузий в мирное время. Нет с нами на этой встрече санинструктора дивизии, поэтессы Нины Новосельновой. На поле боя, не щадя себя, она спасала жизнь многим воинам, смотрела смерти в глаза, а вот себя не уберегла – тяжелая контузия и полная потеря слуха вывели ее из строя. Тяжело больная, училась в Литературном институте им. Горького. Автор ряда поэтических книг. О своей позиции в жизни и поэзии в стихотворении «Вечный огонь» она заявила:

Суметь бы мне теплом своих стихов
Для чистых душ, доверчиво открытых,
Хранить погибших славу – для живых,
Хранить живых – от имени убитых.

Такова была Нина Ивановна Новосельнова, наша однополчанка, обладатель многих наград, в прошлом воин, потом поэт, любящая мать, труженица – словом, славная советская женщина.

Закончилась наша радостная встреча. Веселые, с зарядом бодрости, разъезжаемся по домам.

Перед московской встречей получили письмо от Конакова П.Т. с приглашением провести встречу-отдых на берегу Балтийского моря с 21 по 30 августа на турбазе «Дюны». Это в бывшей Восточной Пруссии, а теперь Калининградской области.

Восточная Пруссия – часть нашего большого боевого пути. Это изматывающие непрерывные бои, бессонные ночи, смерть на каждом шагу. Бои за Восточную Пруссию запомнились навсегда: Ростенбург, Гольдап, Хайльберг, Кройсбург, Цинтен... Здесь, на земле, отвоеванной у фашистов, на турбазе «Дюны» состоится встреча фронтовиков 173 СОКД.

На поезде добираемся до Зеленоградска (бывший г. Кранц), расположенного на берегу Балтийского моря, затем на автобусе по Куршской косе до турбазы. Куршская коса отгораживает часть Балтийского моря от основной суши. В некоторых местах она очень узкая, 200-300 метров. Поселились в домике в комнате на двоих. Кроме нас приехали Ф. Баранова, З. Горлова, А. Ковалева, Н. Прозорова, И. Майборода, М. Кузнецов. В клубе турбазы встречались с жителями поселка и туристами.

23 августа ездили в городок Ниду, который расположен на территории Литовской ССР, а «Дюны» – это Калининградская область. Чистый зеленый городок со своеобразной застройкой. На окраине его, далеко вдоль моря, песчаная гряда – дюна. Дюны по всему побережью Куршской косы. На песке ничего не растет, сажают сосны, укрепляют песок, но он не поддается.

25 августа на автобусах ездили в город Светлогорск на берегу Балтийского моря, при немцах Раушен. Красивые места, хорошие дома, чистые улицы, море. Погода в том году была неважная: холодные ветры, сплошная облачность, солнца почти не было.

27 августа – поездка по местам боев. Побывали в гор. Ладушкин (Людвигсгафт), Корнево (Цинтен), Енино (Кройсбург). Везде стоят мемориалы в честь гибели наших солдатшек и офицеров. Сколько людей положило здесь головушки! И все впустую, как

оказалось сейчас – эта территория не на нашем веку, дак все равно вернется законным владельцам.

Ежедневно ходим на берег моря, ищем янтарь, бродим по холодной воде. Попадают янтаринки, но не более спичечной головки. Вечером забираемся в комнаты – на улице появляются кабаны, кабанчики, бегают от дома к дому, ищут пропитание в ведрах, в которые мы складываем отходы. В предпоследний день – прощальный ужин.

Наступил 1980 год – год 35-летия Победы. Наш славный, любимый праздник Победы установлен в 1945 году Сталиным. Отмечался он наравне с другими революционными праздниками, затем был забыт и превратился в обычный рабочий день. При Брежневле снова был возрожден. В этот день ходили и ездили к местам захоронений, посещали могилы погибших, возлагали венки и цветы. Большой размах получило увековечение памяти погибших: обновляли могилы, строили памятники, ансамбли, в том числе громадный мемориал в Новороссийске, где сражался маршал-самозванец, наградивший себя четырьмя звездами «Героя Советского Союза» и орденом «Победы». Он же, Брежнев, будучи Генеральным, присвоил звание «город-герой» Новороссийску и Керчи, написал книгу «Малая земля», где сражался будучи начальником политотдела 18 армии.

В феврале месяце 1980 года совет ветеранов 31 армии прислал приглашение на очередную встречу, которая должна состояться в Москве 3-4 мая. Вскоре после этого позвонил Володя, что Галя в больнице – ожидайте внука. Так и случилось: родился мальчик, назвали его Павликом. Хотели ехать в Мурманск, но Галя и Володя отговорили – наша помощь им не требовалась, а вот на регистрацию надо приезжать.

И вот мы в Москве. Поселились в гостинице «Алтай». Первый день – общая встреча в саду у Боровицких ворот. Приехало на встречу около полутора тысяч ветеранов. Теплые радостные встречи с фронтовыми друзьями. Вместе с нами приехали брат Анатолий Матвеевич и его жена Лия. Впервые после 1946 года увидели Катю Макиевскую.

Сохранились фотоснимки тех лет, целые альбомы, с которых смотрят веселые улыбающиеся лица. Даже комбат Макаров,

всегда хмурый, увидев Катю оживился и произнес: «Ба, кого я вижу!», обнял ее и крепко прижал к себе.

После обеда состоялось торжественное собрание в кинотеатре «Ударник», стояли в почетном карауле у знамен, слушали приветствия и выступления художественной самодеятельности. Второй день встречи начался с возложения венка к Могиле Неизвестного солдата и посещения мавзолея Ленина. Вечером был торжественный ужин.

*Иван Матвеевич и Раиса Петровна с внуком.
Фото 1981 г.*

После Москвы едем в Мурманск на регистрацию внука. Вот он на фотокарточке в семейном альбоме: весь в белом, только носик да глазки чернеют. Много фотоснимков, а на последнем бабушка и дедушка с внуком: Александра Федоровна и я, пишущий эти строки, держим Павлика.

В марте 1981 года получаем письмо из Минска с приглашением на встречу с однополчанами на 2-5 июля. Много встреч было, но в Минске не проводилась ни одна. Едем с огромным желанием.

Руководит встречей председатель совета ветеранов 173 Оршанской краснознаменной дивизии подполковник

Блинов В.Г., секретарь совета Прозоров И.Г. Из высшего начальства — начальник политотдела полковник Конаков П.Т., командир 1313 стрелкового Минского полка полковник Яровой И.Д.

Учащиеся 32 ГПТУ г. Минска, на базе которого проводилась встреча, встретили ветеранов хлебом-солью. После встречи был обед в столовой ГПТУ. На жированье устроились в общежитии ГПТУ. После обеда ходили по городу.

Минск военных лет и теперешний не сравнить. Никаких следов войны, всё вновь построено, красиво и добротно. Вот площадь Ленина. Дом правительства сохранился, а выглядит как новый, оперный театр с колоннами и портиком величественно смотрит на нас. Кое-где улицы перекопаны – это идет стройка метро. Заходим в магазины. На витринах мясо, колбаса, сыр, рыба, хлеб и масса хлебобулочных изделий. В промтоварных магазинах обилие верхней одежды, трикотажа, обуви, в то время когда в наших российских магазинах товаров становилось все меньше и меньше. Радует, что город, освобожденный нами, возник из руин и живет полнокровной жизнью. На улицах видим радостные лица горожан. В городе чисто, много цветов. Подходит женщина и спрашивает:

– Вы наверное освобождали наш город?

– Да, мы первые вошли в Минск, еще немцы не успели унести ноги.

– А откуда вы приехали?

– Из Петрозаводска и не только. Есть из Москвы, Ленинграда, Лакинска, Бреста, Рубцовска с Алтая, из Нарвы, Львова и многих других городов.

– А я жила в Великом Устюге, закончила техникум и сразу попала на фронт. Было мне восемнадцать лет, – говорит Рая.

Жили в общежитии в комнатах по два-три человека. Вечером собрались и, что у кого было, решили организовать ужин. В одной из комнат поставили несколько столов в ряд, собрали стулья и давай пировать. Вспомнили июль 1944 года, горящий Минск, бои по уничтожению «котла». Выпили, закусили и начался разговор. Взял слово В.Г. Блинов.

– Весной 1944 года Верховное Главнокомандование решило перенести центр боев в Белоруссию на кратчайший путь к Германии и ее столице. Тут было сосредоточено три Белорусских и первый Прибалтийский фронт. Замысел Ставки – прорвать оборону, окружить и уничтожить группировки врага, основные силы группы «Центр», освободить Минск и выйти к западным границам Советского Союза.

– Да, тогда мы были в центре боев. Эта операция называлась по имени героя Отечественной войны 1812 года П.И. Багратиона – «Багратион», – добавляет Потяркин К.А.

– Мы не подвели своих дедов и прадедов, били немцев в хвост и в гриву. За три дня их сотысячную армию загромили, – говорит полковник Яровой.

За столом оживление. Каждый старается поделиться своими боевыми эпизодами. Рая говорит:

– Как заняли Минск, остановились в лесу. Смотрю: ребята несут бутылки с вином, а майор Шамриков катит бочку с пивом. Вечером все веселенькие заснули. А тут началась пальба. Прибежала в землянку, еле растолкала спящих, и опять за коммутатор.

– Повеселились в Минске братья-славяне. В подвале дома правительства было много вина, пива, колбасы, ветчины, всевозможных закусок и компотов, – добавляет И.Т. Закопайко, артиллерист 1313 стрелкового Минского полка.

– Как началась стрельба, ребята моего батальона сразу поднялись, – вступает в разговор М.С. Прокопьев. – К штабу дивизии немцев не подпустили. А потом началась мясорубка. Ни ночью ни днем не стихала стрельба.

– Когда немцы поняли, что им не вырваться из кольца окружения, стали сдаваться. Шли группами с поднятыми руками, кричали «Гитлер капут», – говорит Маша Голубева.

– Некоторые падали на колени, чтобы их не убивали, просили пощады, – вступает в разговор Катя Макиевская.

Потом пели песни и пили чай. Разошлись за полночь.

На второй день было торжественное собрание и встреча с учащимися технического училища. Собрались в большом актовом зале. Встречу открыла секретарь партбюро ГПТУ. Затем выступил начальник политотдела 173 СОКД полковник Конаков П.Т., бойцы и командиры, учащиеся, была художественная самодеятельность. Знакомство продолжалось в цеху на практических занятиях. ГПТУ-32 готовит полиграфистов. Тут работали наборщики, печатники. Они показывали премудрости своего дела. Оказывается набрать текст надо умеючи – от этого зависит привлекательность книги, ее чтение. Раньше я об этом не думал, а тут понял, что значит сделать хороший набор, расположить слова, подобрать шрифт и т.д.

3 июля – день освобождения Минска от фашистов, национальный праздник Белоруссии. Утром после завтрака выстраиваемся во дворе. У всех праздничный вид, на груди ордена и медали. Колонна ветеранов и учащихся направляется на площадь Победы, где состоится митинг и возложение венков. Площадь бурлит. Перекрыто движение транспорта. На пьедестале у знака Победы руководители Белоруссии. Произносятся речи, возлагаются венки.

Во второй половине дня садимся в автобусы и едем. Бежит, устремляясь вперед, широкая асфальтированная лента шоссе Минск-Витебск, обычные дорожные знаки по сторонам. И вдруг слева, на 54 километре, тревожный указатель: Хатынь. Перед нами широкая поляна, а в начале ее памятник «непокоренному человеку». За ним домовые места, трубы и столбы с подвешенными на них колоколами. Это место от деревни Хатынь. О ее существовании говорят воспроизведенные постройки.

22 марта 1943 года гитлеровские каратели разграбили Хатынь. Всех жителей – 149 человек, в том числе 75 детей – загнали в сарай и сожгли. За три года оккупации Белоруссии фашисты превратили в руины 209 городов, уничтожили 9200 сел и деревень, расстреляли, повесили и сожгли свыше 2 миллионов 200 тысяч граждан, т.е. каждого четвертого жителя Белоруссии. Этому посвящена живая экспозиция: три зеленых березки, а на четвертом готовом месте нет березки.

Подходим к Вечному огню. И в это время подул ветерок, заволновались березки, замахали листочками, зазвонили колокола. Все остановились, замерли. Это память о погибших хатынцах. Возлагаем венки, цветы. Посмотрите на фотоснимки альбома и вы увидите строгие суровые лица ветеранов. Это Закопайко И.К., Яровой И.Д., Акулич В.А., Игнатьев и многие другие – люди, повидавшие ужасы войны, познавшие смерть, кровь, раны, несчастье войны.

Закончив осмотр, садимся в автобусы и едем по шоссе Витебск-Минск. Отворачиваем с дороги и перед нами мемориал – Курган Славы. Высокая конусообразная гора земли, а вокруг ее по спирали дорожка наверх. Вот средняя площадка, до нее добралось пятнадцать человек. Впереди верхняя площадка – самая высокая. На нее вскарабкалось двенадцать. Трудно вверх взбираться: кружится голова, дрожат ноги, перехватывает дыхание. Отсюда вверх, как иглы, взметнулись в небо три штыка, олицетворяющие три

фронта, освободившие Белоруссию. Вокруг штыков сплошной круговой пояс с изображением родов войск, принимавших участие в Белорусской битве. Возбравшись наверх я удивился как высок этот рукотворный холм!

*У Кургана Славы под Минском. 1981 г.
Иван Матвеевич и Раиса Петровна – слева.*

Будучи второй раз у Кургана Славы в 1989 году я хотел повторить восхождение, но не смог. Пришлось довольствоваться нижней площадкой, то есть постоять у основания и посмотреть как взбираются мои боевые друзья. Тогда я понял, почему первый раз не все поднялись наверх!

Четвертого июля с утра отправились в дом-музей первого съезда РСДРП. Это одноэтажный домик, окруженный зеленью кустов и деревьев. Несколько комнат с партийными материалами, постановлениями съезда. После обеда посетили музей вооруженных сил БССР. В нем масса экспонатов минувшей войны – от катюш до противогаза. Нас больше интересовал «Зал боевой славы», где сосредоточены материалы о войсках, принимавших участие в освобождении Минска и Белоруссии. Вот стенд фронтов, рядом указаны армии. Находим свою 31-ю с командующим генерал-полковником В.В. Глаголевым и членом военного совета А.А. Карпенковым. А вот и стенд дивизий-освободителей. Есть и наша – 173 Оршанская стрелковая Краснознаменная дивизия. Всё своим фотоаппаратом запечатлел и сделал альбом.

Вечером в ресторане «Журавинка» прощальный вечер. Пели, плясали, танцевали. Вот Наташа Прозорова вышла в круг и запела:

Эх, тонка нога,
Ножка правенькая!
Все равно ребята любят,
Хоть и маленькая!

Вышли в круг Рая и Катя Макиевская, за ними Маша Голубева, Мария Алексеевна Блинова, Зина Горлова, Иван Закопайко, Майборода Иван Дмитриевич, его жена Мария Степановна и много других ветеранов. Прыгают, толкутся. И хотя на дворе уже вечер, но было жарко. Вышли на веранду. И тут Петр Федоров, артиллерист 1313 СМП, предложил сфотографироваться. Все встали, приготовились, а у Пети не ладится с фотоаппаратом, копается в нем. А я в это время выбежал вперед и своим «Зенитом» щелкнул. Получился хороший снимок.

– Давай закурим! – слышится на другом конце веранды. Смотрю, а это Саша Безбородов, телефонист артполка, вытащил кисет и угощает махорочкой однополчан.

– Давай закурим, товарищ, по одной,
Давай закурим, товарищ мой! – запевает кто-то из курителей.

– Эх, махорочка-махорка, породнились мы с тобой! – запело сразу несколько голосов фронтовую песню о махорочке.

Поздно вечером выходим из «Журавинки» веселые и радостные. И вечер такой хороший, и город, сверкающий огнями иллюминации и витрин, еще шумит и гуляет, отмечая освобождение от врага, праздную Победу.

Пятого июля – свободный день. Все растеклись по магазинам за покупками и просто посмотреть город-герой. Встреча в Минске, долго ожидаемая, была радостной, запомнилась.

Все эти годы после магазина «Гастроном» я работал в городской санэпидемстанции сторожем. Работа не сложная, но неудобная – дежурства вечером и ночью. Свободного времени много и у меня появилась мысль написать книгу о своей малой Родине, об Унежме. Начал собирать материалы, читать литературу, делать записи. Их становилось все больше.

В 1964 году власть в нашей стране забрал Леонид Ильич Брежнев. А взял он ее в отсутствие Хрущева, когда тот отдыхал в Пицунде. Хрущев был дисквалифицирован и заключен под домашний арест. Брежнев по большому продавал Россию. При нем были заключены договоры на поставку сырой нефти и природного газа многим европейским странам, проложены нефте- и газопроводы из Сибири. Много вывозилось леса, черных и цветных металлов. Началась позорная афганская война, создана атомная промышленность, велось строительство атомных станций, ледоколов-атомоходов, принята аграрная программа для сел и продовольственная программа. Запомнились его «крылатые» слова: «Экономика должна быть экономной». Но уже тогда было видно, что экономика катилась вниз. В магазинах стали исчезать товары, а цены неуклонно росли. Как и при Хрущеве, продолжалась закупка за границей зерна, мяса, масла и других продуктов. Не помогали громадные перекачки газа и нефти, продажа леса, стратегических материалов.

Партия и правительство не замечали, что жизнь народа ухудшается. На всех перекрестках висели лозунги: «Народ и партия едины», «Мы придем к победе коммунистического труда», «Цель КПСС – благо народа». Это был сплошной обман. На самом деле большие и малые руководители думали только о себе: строили дачи, санатории, спецбольницы, жилье для себя и родственников, обзаводились автомашинами, получали спецпайки и спецоклады. В стране процветало взяточничество, подкуп, появился черный рынок. Большую экономику терзали громадные расходы на войну в Афганистане, на изготовление вооружения, на ядерное оружие и освоение космоса. Наши руководители всю жизнь пугали, что на нас нападут и надо вооружаться. Но нападали всегда наши вооруженные силы. Так были на Халхин-Голе, в Финляндии. Мы освобождали Прибалтику, Западную Белоруссию и Украину, везли ракеты на остров Свободы, посылали своих детей защищать свободу в Венгрии, Чехословакии, Анголе, Египте и других странах. Они же помогали развивающимся странам и коммунистическим партиям деньгами из бюджета страны.

В 1982 году, после смерти Л.И. Брежнева, руководить страной стал Андропов Ю.В. Если Брежнев в последнее время водили под руки, то Андропов лежал с подключенной почкой и постепенно умирал. С 1984 года руководил страной Черненко К.У. Это был старый больной человек, который еле передвигался, говорил как и Брежнев по бумажке. Все они трое ничего существенного для подъема экономики не сделали, не видели куда идет страна. Как и раньше, основное внимание уделялось политике и идеологии, а экономика была на задворках.

1983 год. Работаю и пишу книгу. Весной начали ремонт квартиры: побелили, оклеили, покрасили окна, двери, полы. Почувствовал легкое недомогание, сказал жене:

- Хочу уволиться, что-то чувствую себя неважно.
- Поработай до июля, потом уволишься и поедем в Унежму.

Здесь я должен сказать, что в Унежму мы ездили ежегодно – в июне-июле уезжали и до осени жили на родине.

- Ну ладно, числа до пятнадцатого июня поработаю, а потом уйду с работы.

Но не пришлось мне поработать до намеченного срока. 3 июня 1983 года у меня случился инфаркт. Получил я получку и с внуком Димой мы вышли на остановку троллейбуса. Я ему дал денег на мороженое и конфеты, он пошел домой, а я хотел ехать в свою сторону. Но тут неожиданно заболело сердце, появилась слабость, пот, ноги стали как ватные и я сел на скамеечку. Попросил у женщины лекарства, она мне дала валидол. Высосал одну таблетку – не помогает, вторую, но улучшения нет. Решил ехать домой. Вышел из троллейбуса, не видя дороги. Шел домой, отдыхая у каждого столбика, у каждого куста. Добрался еле-еле. Открывает дверь Рая и спрашивает:

– Что с тобой, почему такой белый?

– Скорей разбери кровать, лягу. Меня не держат ноги, всё ослабло. Скорей, – еле выговорил и бухнулся на кровать.

Видя неладное, жена вызвала «скорую помощь».

После сорока дней нахождения в горбольнице нас – двоих инфарктников – на машине везут в санаторий «Марциальные воды» на долечивание. Там врачи-кардиологи следят за состоянием здоровья каждого больного. Двадцать четыре дня – полный курс лечения. Тут я узнал, что у меня была тяжелая форма инфаркта: глубокий и обширный. Из Марциальных вод привозят на санитарной машине к подъезду дома. После санатория четыре месяца на больничном, а потом увольняюсь и на ВТЭК мне дают вторую группу инвалидности. Летом 1983 года в Унежму не ездили, ключи от дома передал сестре Ульяне.

Из встреч с однополчанами хочется отметить еще одну – в Орше. Она состоялась 23-27 июня 1984 года в честь 40-летия освобождения и награждения города орденом Отечественной войны I степени. На вокзале нас встречали представители фабрики и на машине привезли к гостинице «Орша». Тут мы с женой поселились в двухместном номере. Кроме нас двоих приехали однополчане Закопайко И.К. и Богданов В.И., а также участвовал Лисецкий И.И. – житель Орши, тоже однополчанин.

Перед гостиницей – громадная площадь, а на ней памятник Освободителям. На высокой каменной плите выбиты названия и номера частей и подразделений, принимавших участие в освобождении Орши, и первая среди многих 173 стрелковая дивизия – наша дивизия. Рядом высокий столб-стела, наверху которого серп и молот.

В виду того что нас из 173 СД было всего пять человек, мы объединились в одну группу с участниками 14 гвардейской стрелковой дивизии. Встреча происходила на базе коллектива оршанской экспериментальной швейной фабрики. До начала генеральных торжеств знакомились с городом, возрожденным из руин. Зеленый, чистый, с асфальтированными улицами, магазинами полными промтоваров и продуктов, он вызывал гордость. Посмотрели Днепр, на его высоком берегу побывали у «катюш», сделавших первые залпы по фашистам в 1941 году. В один из этих торжественных дней съездили в село Андреевщина, на окраине которого братская могила воинов 173 стрелковой дивизии. Возложили венки и цветы и, как водится на Руси, помянули боевых товарищей по оружию.

Была у нас встреча с коллективом оршанской экспериментальной швейной фабрики. Выступала директор фабрики, от нас Закопайко и один товарищ от 14-й гвардейской стрелковой дивизии. Нам подарили по хозяйственной сумке, изготовленной руками работниц этого предприятия.

Побывали в мемориальном комплексе «Рыленки». Здесь, на 467 километре шоссе Москва-Минск, 23 июня 1944 года начались кровопролитные бои по освобождению Белоруссии от немцев. 26 июня войска 31 армии, в составе которой была 173 дивизия, после тяжелых боев освободили Дубровно, а 27 июня Оршу. Проезжая и проходя мимо мемориала, машины замедляют ход, люди останавливаются и снимают шапки.

Перед входом большая площадка с лестницей. Поднимаемся по ступенькам. Громадными буквами «Подвиги ваши бессмертны» начинается мемориал. За ним стеной лес. Лесными посадками окружен весь мемориал. Тут под 170 плитами покоятся десятки тысяч бойцов и командиров. В память о тех кто погиб, освобождая Родину, воздвигнут этот мемориал. Обходим кладбище, возлагаем венки и цветы, стоим у «Вечного огня», зажженного в 1973 году. Тяжелые, скорбные минуты молчания.

27 июля – день освобождения Орши. Утром у проходной швейной фабрики построение в колонну. Тут все работники фабрики, учащиеся ГПТУ и мы, ветераны войны. Колонна направляется к центру города, к памятнику Освободителям. Громадная площадь заполнена народом, не вместившиеся стоят на прилегающих улицах. Флаги, транспаранты, лозунги в руках у пришедших. И масса

цветов. В этом мы убедились, побывав на городском рынке. На столах много всевозможных товаров, но всё это затмевают цветы. Любят оршанцы цветы, они везде – у домов, на балконах. В море людей много военных с орденами и медалями, ветеранов войны, освободителей Орши. Кроме нас тут артиллеристы, летчики, танкисты, саперы, связисты. Выступают ораторы, возлагаются венки и цветы. Вся площадка мемориала в цветах: белые, красные, сиреневые, синие, но больше красные.

После возложения цветов колонны направляются к Кургану Славы. Впереди ветераны войны, в том числе и мы, пятеро представителей от 173 дивизии. Дорога к кургану устлана цветами, горожане бросают их под ноги, дарят нам охапки гвоздик, гладиолусов, нарциссов. Курган Славы в Орше намного меньше, чем в Минске, но до□рог, как народная память. Дорога к нему вся в цветах, у подножия – го□ры цветов. Ветераны вспоминают былые бои: как давали перцу немцам под Оршей, как вели уличные бои в городе. В тот же день вечером состоялось торжественное собрание в драмтеатре, где секретарь обкома вручил оршанцам орден Отечественной войны I степени – награду за трудовые и боевые успехи в годы войны.

Последний день празднования. Нас, всех ветеранов войны, пригласили в горком КПСС, состоялась беседа с руководителями города. Вечером в столовой фабрики был прощальный ужин. Пели, танцевали, вспоминали былое. На 21 час был назначен салют и фейерверк в честь освобождения Орши от оккупантов.

Все эти дни город был как потревоженный улей. Вот и сегодня со всех сторон к площади перед центральным универмагом стекались люди в праздничных нарядах, старые и малые. Но день не хотел уходить: 21.30, а на улицах еще светло, 22.00 – темнота не наступала, и только через пол часа стемнело.

И вдруг темноту вечернего неба разрезали вспышки цветных ракет: синих, зеленых, красных, голубых, и заработала иллюминация, разбрасывая тысячи огненных брызг. Площадь озарилась огнями различных фейерверков: крутящихся, сопящих, стреляющих, ухающих, изрыгающих искры и пламя. Находящегося рядом с нами жителя Орши, нашего однополчанина Лисецкого Иосифа Иосифовича, спрашиваю:

– У вас всегда в праздники такая красота?

– Нет, я вижу впервые. Говорят, что эти машины для фейерверка привезли из Минска.

– Мы видим впервые такую красоту. Сколько жил, сколько ездил, побывал во многих городах, на многих праздниках, но такого не видел!

Еще об одной встрече однополчан 31 армии хочу поведать. Состоялась она 18-19 мая 1985 года в Москве – в год сорокалетия победы над фашизмом. Главное ее отличие от всех предыдущих в том, что с нами ездил внук Дима. Поездки с внуками и детьми были и раньше, приезжали с ними инвалиды и немощные ветераны, не надеясь на себя.

Все разместились в гостинице «Россия». Нам дали двухместный номер с телефоном, телевизором и всеми другими удобствами. Утром 18 мая все трое идем в Александровский сад на встречу с однополчанами. Мелькают люди, таблички с номерами частей и названиями подразделений. Вот и 173 СОКД. Тут все наши: Блинов, Прозоров, Потяркин, Голубева, Горлова, Иванов, Баранова и многие другие однополчане. На скамеечке сидит седой крепкий старик. Это генерал-лейтенант А.В. Русских – начальник политотдела 31 армии. Подходим, поздравляем с 40-летием Победы. После обеда с венками и цветами идем к могиле Неизвестного солдата, а затем к мавзолею Ленина. Возлагаем венок основателю партии и государства и по мраморным ступенькам спускаемся вниз, где покоится прах Ленина. Выйдя из мавзолея, проходим вдоль кремлевской стены, осматривая захоронения.

19 мая торжественное собрание, а вечером прощальный ужин в ресторане «Россия». Хотим взять с собой Диму, но он говорит:

– Дедуля и бабуля, купите мне сосисок и апельсинов, и я буду сидеть в номере, смотреть телевизор. С вами не хочу идти, там все взрослые.

– Там будет интересно: будут песни, воспоминания, поздравления!

Но Дима не соглашается.

– Ну ладно, сказала Рая, – только не ходи никуда без нас, а то заблудишься.

Двадцатого мая выехали в Петрозаводск.

Были встречи с однополчанами в 1989 году в Минске, в 1991 году в Орше. Проходили они по тем же сценариям и я их описывать не буду.

Опять живем в Петрозаводске. Готовимся к поездке в Унежму. И тут звонок. Слышу голос Вениамина Петровича:

– Думаете ли ехать в Унежму?

– Да, собираемся, закупаем продукты!

– Буду в Нюхче на лодке примерно пятого июля. Приезжайте, заберу в Унежму.

В Нюхче встретились с Анной Ивановной Кондаковой и ее семьей, повидались с Екатериной Осиповной и Григорием Андреевичем Бездетных, Марией и Иваном Куколевыми. Жили у Нины Петровны Шумиловой. Через несколько дней приехал Вениамин Петрович. Лодка его не прошла по обмелевшей реке и он ее оставил ниже порогов. Вещи несли на себе почти до речки Ухты, а это около трех километров. В Унежму поехали поздно вечером, а приехали ночью. Шли по берегу моря, а как только зашли в поля, обступило комарье. Никогда не видал столько комаров, как в тот год. Комары лезли в лицо, на шею, во все щели и кусались нещадно. И отбоя от них не было. С остановками добрались до дома.

В том году в Унежму приезжали Дина Ивановна (в девичестве Евтюкова) с мужем Иваном Алексеевичем Брехуновым и внучкой Аней. На следующий день встретились со всеми обитателями и в том числе с Брехуновыми. Подружились и ходили вместе сначала на рыбалку, а когда поспела морошка, за ягодами. Рыбачили в реке у острова.

Расстилаем продольники и наживляем червяками. Не успели отойти и десяти шагов – продольник задергало, затрясло. Это камбалы, попавшие на крючок, стараются вырваться, освободиться. Но нет, крючок крепко держит. Снимаю рыбу. Одна, две, пол корзины, а впереди дергает и плещется серебро. Уже полная корзина, а рыба всё клюет и клюет.

– Иван Алексеевич, много ли рыбы наловил?

– Есть на уху! – отвечает мой сосед.

– Иди ко мне, меня рыба одолела, снимай свой продольник!

Пришел Иван Алексеевич с полупустой корзиной. Рыба продолжала ловиться по-зверски и через пол часа его корзина была наполнена до краев. С полными корзинами идем домой.

За морошкой ходили к Тухручью. Мы с Раей шли по полям и болоту, а Дина с Аней по берегу моря. Встречались около лесочка. На морошку нам везло, каждый год ее созревало множество. Ходили на одно и то же место и всегда набирали полную посуду. Лето баловало нас, стояли теплые солнечные дни, выпадали небольшие дожди. К августу на вараках созрела черника, появились белые грибы и моховики. В конце августа наши друзья Брехуновы уехали из Унежмы.

В 1987 в Унежму ездили вдвоем с внуком Димой. Ловили рыбу, ходили за морошкой. Иногда Дима не ходил со мной: я его не мог разбудить и стащить с постели оттого что вечером домой он приходил поздно, засиживаясь у Валентина – в его избушке собиралась молодежь. Иногда они ездили за морошкой на Медвежий или в Челицу, на рыбалку на Лёхлуду. Но от таких поездок было мало толку – возвращался с пустым ведром. Тогда я ходил один с ведром и набирал полное.

Морошка – вкусная ягода. Поешь утром, а днем опять ее хочется, вечером тоже ел. Набрали мы ягод по ведру, наелись рыбы, и в Нюхчу.

В Нюхче Дима познакомился с местными ребятами и девочками еще когда ехали в Унежму. Он производил хорошее впечатление на всех: молодой, красивый, статный, в меру уравновешенный, грамотный. Еще тогда заметил, что девушка-почтальон при необходимости и ненадобности заходила в дом, крутилась около дома Нины Петровны, где мы жили. Сказал Диме:

- Подружка наверное твоя хочет поговорить!
- Да нет, дедуля, так просто, она не нюхотская.
- А откуда? – заинтересовался я.
- Из Кеми. На лето приехала к родственникам.

Через несколько дней смотрю: в нашем дворе четверо молодых ребят-подростков. Спрашиваю их:

- Мальчики, вы в гости к Диме пришли?
- Нет, так просто. Сейчас уйдем, – ответили ребята.

Вечером Дима и Олег – внук Екатерины Осиповны – ушли в клуб на танцы. Необычно рано Дима вернулся домой, растерянный, помятый.

- Дима, что с тобой, почему рано, где Олег?
- Всё нормально, дедуля. Я не хочу танцевать, а Олег остался.

Утром следующего дня мы уехали в Петрозаводск. Потом я узнал: на Диму напали ребята, прижали к перилам моста, хотели сбросить в реку. Выручили женщины, идущие по мосту, которые не дали расправиться с внуком.

В 1985 году к власти пришел Горбачев Михаил Сергеевич, провозгласивший перестройку, гласность, демократию, изменение внутренней и внешней политики, а былые годы, годы правления Брежнева, назвал годами застоя. Он говорил, принимая бразды правления: «Главное – улучшать жизнь людей. У нас нет более высокой цели». «Мы должны добиться существенного ускорения социально-экономического прогресса. Другого пути просто нет». «В аграрном секторе нужен решительный перелом, чтобы уже в двенадцатой пятилетке заметно улучшить продовольственное снабжение. Намечается более чем удвоить темпы прироста сельскохозяйственного производства». «Наша цель состоит в том, чтобы к 2000 году каждая семья жила в отдельной квартире или индивидуальном доме».

Поначалу ему, молодому, здоровому, инициативному руководителю партии и государства, многие, как и я, поверили. Слова «перестройка», «гласность», «демократизация» гремели по радио, телевидению и в печати, вошли в нашу жизнь. Встречаю соседа по дому Виктора Иванова и спрашиваю:

- Как дела молодецкие?
- Перестраиваемся, живем по-новому!
- Как так по-новому?
- Жили по-брежневски, а теперь горбатенько. Вот хотел отоварить талоны на сахар, а его нет, крупы и макарон тоже нет. Даже соли не мог купить. Две бутылки водки полагается на талоны – тоже нет. Вот так и живем горбатенько, – заключил Витя.

«Горбатенько живем» – врезались в мою память эти вещие слова. Витю я, конечно, успокоил, что всё это будет, товары на базах есть, завезут в магазины, а сам всё более сомневался, видя пустеющие прилавки. В перестройку хотелось верить.

В стране появились всевозможные демократические движения, затем партии. Стали издаваться независимые газеты, журналы, сексуальная литература и порнография заполнила прилавки книжных магазинов и ларьков, появились статьи с нападками на партию и ее основателя Ленина, на социалистический строй. Демократиза-

ция коснулась управленческих структур: были проведены выборы депутатов в Верховный Совет СССР, Верховные Советы союзных республик и другие Советы, вплоть до местных на альтернативной основе. После выборов в Верховный Совет Союза Горбачев М.С. стал одновременно Генеральным секретарем ЦК КПСС, председателем Верховного Совета СССР и Верховным главнокомандующим вооруженных сил СССР, а потом первым президентом СССР.

Но вернемся назад, к первым годам правления нового руководителя Союза. 1985 год – взрыв на Чернобыльской атомной электростанции, затем несколько аварий на крупных туристических судах, авария на газопроводе в Башкирии, землетрясение в Армении и всё с человеческими жертвами. Таких частых и крупных несчастий давно не бывало! В народе говорили, что все беды из-за «меченого» Михаила, называли его бедоносцем. Против Горбачева стала появляться оппозиция, и первая – выступление депутата Саши Умалатовой на сессии Верховного Совета СССР. Жаль, что ее не поддержали!

За спиной Горбачева стояла мощная фигура Б.Н. Ельцина – противника авторитарной, партokratической политики. Все потуги Генерального секретаря ЦК КПСС отстранить Ельцина от общественной деятельности успеха не имели. За него стояли демократы, народ. Ельцин был избран на альтернативной основе депутатом Верховного Совета СССР, затем депутатом ВС РСФСР, а в 1990 году первым народным президентом России из баллотировавшихся восьми кандидатов, в т.ч. Рыжкова, Бакатина, Макашова, Жириновского, и с первого захода получил более 50% голосов от принимавших участие в голосовании.

Наступила весна 1990 года и опять хочется побывать на Родине. Но с каждым годом до Унежмы добираться все трудней: дорога с тремя пересадками, магазин в деревне закрыт – вези всё с собой на горбу. А возить и носить тяжелое не могу. Что привезешь с собой, тем и живем, а если наловишь рыбы да насобираешь грибов и ягод – вот тебе и дополнительное питание. Одному не езда! Если бы кто-нибудь здоровый со мной поехал... Раньше ездили с Володей, а последнее время с Димой. Дима – большой любитель поездок в Унежму. Теперь, находясь в армии, пишет: «Дедушка, жди меня, не болей. Приду из армии – поедem в Унежму». В том году он не мог поехать, учился в техникуме, а Володе отпуск не дали. И хотя

мало надежды на езду, но начинаю готовиться. Сходил в «Спорттовары», купил крючки и лески, навязал два продольника по пятьдесят крючков, откладывая продукты, особенно дефицитные: молоко сгущенное и сухое, кофе, консервы, дрожжи. Завожу разговор с женой. Знакома ей тоска по родине – такой же как моя, в вологодской глухомани. На этот раз долго не пришлось уговаривать – согласна. Хотя много хлопот с поездкой, но это ведь не куда-нибудь, а на родину. Она для меня самое дорогое, самое светлое на земле, во всей вселенной, в задичавшем, болотном и морском беломорском краю!

В начале июля на поезде едем в Беломорск, там пересеживаемся на вологодский поезд. И вот Нюхча. Как ни старались взять поменьше вещей, не получилось. На нас по рюкзаку, по бидончику, и картонная коробка. Заходим в дом к Екатерине Осиповне. Теперь надо уехать в Унежму, езда туда – по морю на лодке. Лодка должна придти из Унежмы с архангелогородскими пассажирами, отдыхающими там. Но ее нет и нет. Проходит неделя, вторая – всё нет. Повстречал Толю Фирсова, привозившего из Нюхчи Володю, Павлика и Раю, и говорю:

– Выручай, не могу уехать!

– У меня лодки нет. Старая прохудилась, а новую не сделали еще. Поговори с ребятами, может кто даст свою.

На следующий день заходит:

– Давай бутылку, лодка наклеывается, надо угостить хозяина. Завтра поедем, перед поездкой зайду.

По порожистой каменистой реке Нюхче выходим в Белое море. Огибаем Кильбостров – и прямой курс на Корепалку. Через два часа пристаем к каменистой щелье Великой вараки. Забираем вещи, расплачиваюсь водкой с перевозчиками и они уезжают опять в море, а мы с вещами по-над варакой идем в деревню. Вот Магазея. От нее дорожка между изгородами, дом Анны Александровны Куколевой, низенький, заросший крапивой и травой. От дома деда Максима остался костер гнилых дров. Дальше дом Ивана Леонтьевича Евтюкова, а налево в доме Куколевой Екатерины живет Ольга Григорьевна.

Заходим и заносим вещи. Выражаем Ольге Григорьевне соболезнование по случаю смерти ее мужа Вениamina Петровича. Она слушает, молчит, и кажется никак не реагирует. Через некоторое время поняла обстановку, наш приезд и говорит:

– Ночуйте сегодня у меня, а завтра, наверно, в свой дом пойдете. Там живут Ульяна и Михаил.

– Нет, Ольга Григорьевна, не пойдем, не можем мы жить с ними. Нам Дина Ивановна разрешила пожить в ихнем доме, – говорит Рая.

– Ну а разрешила, дак живите около нас, берите ключи и хозяйствуйте. А сейчас попьем чаю да поговорим.

Дом, в котором мы жили в том 1990 году – Ивана Леонтьевича Евтюкова, отца Дины. Маленький, низенький, кухня и комната. В кухне русская печка, в комнате плита. Жили в основном в передней. Морошки совсем не было, даже не поели.

Ловили рыбу в реке на помахалку (удочку). Моим напарником был Варзугин Валентин, брат Августы Ивановны. Он еще молодой пенсионер, мне всегда помогал. Ловил на две удочки и его корзина была полна камбал. Он ушел из реки, а я решил немного половить. Вышел из реки, начался прилив, а тут смотрю – с моря идет туман. Взял курс на Великую вараку. А туман всё плотней, варака скрылась, домов не видно. Камбальего острова тоже не видно, маленькие островки между варакой и островом исчезли. А кругом только камни. Вот вроде дом появился, а подойдешь – это камень. Вправо пойду – камни, влево – тоже камни. Решил идти прямо. И вдруг слышу крик. Это Валентин идет меня встречать. Иду на голос, и вскоре открылась Великая варака и деревня. Долго смеялись и разыгрывали меня жители деревни – как это я в трех соснах заблудился.

Появились грибы и люди стали ходить на реку. Приносили белые и красные грибы. Пришел Петр, охотник, с грибами, немного попозже Валентин. Решили и мы сходить на реку. И удивительно – в городе еле-еле ходил, а тут без отдыха отшагал по грязи и болоту три километра и не устал. Вот что такое деревня! Чистый воздух и пища без нитратов. Перешли Тухручей, вошли в лес. Попадают грибы, но мало – недавно тут были люди, всё собрали. Дошли до ручейка Лёдручей и решили пройти по нему. Сразу же стали попадаться грибы: на моей стороне белые, на Раиной красные. Набрав грибов стали выходить, ведь за нами на полной воде должна придти лодка. Пришли на берег к лодке, а Петра нет и нет. Сели в лодку и стали потихоньку грести. И вдруг появляется шум мотора – это за нами. Грибы ели и много насушили.

Ходили на Великую вараку за черникой, мяли ее с сахаром. Но ее было мало и мелкая. В Миронышине были не один раз. Прибрали могилку отца, вырвали разросшуюся траву, посыпали песком и мелкими ракушками.

У Ольги Григорьевны жила Галина Ивановна – племянница с внуком Максимом, мальчиком лет пяти. Помогала Ольге в хозяйстве, косила траву и убирала сено. Я и Рая тоже ходили помогать: сгребали сено, складывали в зарод. Ольге Григорьевне предлагали жилье в Онеге – не поехала. Галя и Анна Ивановна, племянницы, хотели увезти в Архангельск – не согласилась.

– Буду жить в Унежме! – твердо заявила она.

– Но как жить одной, без Вениамина – дом, скот, а вам уже скоро семьдесят семь? – говорит Рая.

– Поживу еще, не хочу уезжать никуда.

Анна Ивановна жила в Нюхче в своем доме. Позвонила: будет в Унежме. Вода в море – Анны нет. Лучшая дорога в Унежму – по отливу. Вода стала прибывать, а ее все нет. Пришла ночью, рассказывает: «Вода сбила в берег, успела дойти до Вайхлуды, надеялась приедут на лодке и заберут. Никто не приехал, ночевала на острове, вся перемерзла».

Подошло время уезжать. Попросил Валентина, чтобы увез в Нюхчу. Отвечает: «Нет бензина». Петр тоже не поехал, решил на станцию идти пешком. Галина и Анна не говорят, как и когда поедут. Попросил у Ольги Григорьевны бензина, чтобы Валентин отвез, она ответила: «Нет бензина». Остался один выход: идти пешком на станцию Унежма. Пошли на кладбище, посидели у могилки отца, попросили хорошей дороги.

Идем по пустынной Унежме. Да, Унежма развалилась на глазах. Дома остались – можно по пальцам сосчитать, и то все плохие: один клонул наперед, другой скосило набок, у третьего крыша провалилась, а четвертый без окон, без дверей, как сарай... И где бывалошные огороды при домах? Где овцы, которые всегда в жару серыми или черными валунами лежали под окошками, в тени у старых бань, пропахших дымом да баннным листом? Ни воробьев, ни галок, ни голубей – только вороны каркают, да на берегу чайки галдят. Дико, безлюдно. От конного двора и коровника остались гнилые бревна, церковь некренилась, вот-вот упадет.

От некогда шумной и многолюдной деревни осталось три жителя в трех домах: Ольга Григорьевна, Валентин Симоненко и Иван Евтюков – люди немолодые. Еще два дома поддерживаются, в них живут летом. Это наш дом и Августы Ивановны Кондратьевой. Зарастают поля и луга ивняком, рябиной, сосной, на вараках громадные стены. Постояли у церкви, вспомнили прошедшие годы у памятного знака, на котором выгравированы имена погибших унежемцев в годы Великой Отечественной войны. Сделал его Евтюков Анатолий Иванович, будучи несколько лет назад в Унежме. Спасибо ему за увековечение памяти героев минувшей войны.

Собрали пожитки. Их немного: ягод нет, только сушеные грибы, рюкзаки полупустые. На дорогу Ольга Григорьевна испекла буханку хлеба. Утром идем на щелью Великой вараки. В лодке мы с Раей, Петр с дочкой Аней, да трое туристов. Едем по морю. Смотрю на свою деревеньку родную и говорю словами частушки:

До свиданья, до свиданья,
До свиданья три раза.
А еще раз до свиданья,
Дорогая Унежма!

В лодке оживление, некоторые смеются.

Вот и река. Но недолго пришлось по ней плыть: воды в реке мало, начался отлив и она уходит в море. Переходим каменный порог, перегородивший реку, и по узенькой болотной тропинке идем к станции Унежма. Идти тяжело, сую под язык эринит, чтобы усилить работу сердца. Вот ручеек – значит пройдена половина пути. Привал. Петр кипятит чай, развязываем рюкзаки, тут обед и отдых. Погода сопутствует нам: ветерок, солнце, сухо. Поели, отдохнули, и опять вперед. Тут дорога сухая, плотная, по ней возили лес. Кругом пеньки – здесь были лесозаготовки. Упавшие деревья перегораживают тропу, приходится перелезать или обходить. Попадаются маленькие гривки – возвышенности, на них отдыхаем. Выходим на болото уже порядком уставшие.

– Это болото самое большое, километров пять, говорит Петр. – А потом перед станцией будет сухое место.

Бредем по узенькой болотной тропке, часто отдыхая, а конца его нет и нет. Начинается лес, потом сенокос. А вот и линия же-

лезной дороги. За насыпью – станция Унежма. Небольшой вокзальчик на сухом удобном месте, а поселок чуть подальше в окружении лесов. Петр с туристами и детьми идут домой, а мы остаемся на вокзале ждать поезда. Глубокой ночью садимся на поезд и ночью приезжаем в Нюхчу. Ночь проводим у землячки Екатерины Осиповны, а на следующий день – в Петрозаводск.

Президент Горбачев продолжал произносить речи о перестройке, обещая лучшую жизнь. Писал книги, издавал их, получал гонорары, ездил по капиталистическим странам с женой Раисой Максимовной, рассказывал Бушу – президенту США, Миттерану – президенту Франции, Тэтчер – председателю Совета министров Великобритании, Колю – федеральному канцлеру Германии, как хорошо у нас идет перестройка. А страна всё более погружалась в кризис. Непомерные расходы на войну в Афганистане, на космос, на оборону, на помощь развивающимся странам подтачивали экономику. Талонная система стала неизбежным фактором нашего существования.

Люди не хотели так жить. 1990 год ознаменовался выступлениями за отделение и самостоятельность в Грузии, Молдавии, Прибалтике. Весной 1991 года под Москвой началось передвижение частей армии, а в марте, в день открытия Съезда народных депутатов РСФСР, в столицу были введены танки, бронетранспортеры, войска армии и МВД. Ситуация в Союзе продолжала накаляться. Президент Ельцин заявил всенародно о несогласии с политикой Горбачева и центра, не принявшей предложение о выходе из тупиковой ситуации, т.е. перехода к рынку. И хотя Михаил Сергеевич пытался объединять республики, но ни новоогаревский процесс, ни другие попытки не имели успеха. В августе он уехал на отдых в Форос – дачу, стоившую 50 миллионов рублей.

19 августа 1991 года радио и телевидение объявило, что власть в СССР взята государственным комитетом чрезвычайного положения – ГКЧП. В Москву снова введены войска, танки, запрещены демократические газеты и журналы, окружен Белый дом – резиденция Верховного Совета РСФСР и Совета Министров РСФСР. Во главе ГКЧП находились председатель комитета госбезопасности Крючков, министр внутренних дел Пуго, министр вооруженных сил Язов, вице-президент Янаев, премьер-министр Павлов и др.

По призыву президента и правительства России москвичи выступили на защиту демократии, Белого дома. К ним примкнули танкисты, другие подразделения армии. Защитники Белого дома держались стойко, не дали развязать кровопролитие. Три дня продолжалось противостояние.

Демократия победила. 23 августа 1991 года вышел указ президента РСФСР «О приостановлении деятельности коммунистической партии РСФСР», 25 августа «Об имуществе КПСС и коммунистической партии РСФСР» и 6 ноября 1991 года «О деятельности КПСС и КП РСФСР». Новые попытки Горбачева объединить республики ни к чему не привели. Вышли из Союза Литва, Латвия. Эстония, заявили о выходе Молдавия, Грузия, Азербайджан. В декабре 1991 года состоялась встреча руководителей России, Украины, Белоруссии – Ельцина, Кравчука, Шушкевича – на которой они договорились образовать содружество независимых государств – СНГ.

Почему так случилось? Об этом рассказал председатель Верховного Совета Белоруссии Шушкевич С.С. «Он (Горбачев) считал, что какое решение захочет, такое и примет Госсовет. Фактически так и было. Что ему не нравилось, то и не выносилось на обсуждение. В конце концов все поняли: с этим президентом нельзя работать. Я тоже не могу работать в таких условиях. Он думал, если я не выражаю горячего протеста, значит, я со всем согласен. Но это же не метод достижения цели. А голосования у нас не было ни разу. И вот мы нашли такой выход». Вскоре в СНГ вступили республики Средней Азии, Армения и Азербайджан. Союз как таковой перестал существовать: были ликвидированы союзные структуры, потерял свою надобность Верховный Совет СССР, сдал свои полномочия первый президент М.С. Горбачев. Правопреемницей СССР в международных делах стала РСФСР, верховный совет РСФСР и правительство России стало законным хозяином на всей территории, принадлежащей Российской Федерации.

Прошло шесть лет правления М.С. Горбачева на посту президента и генерального секретаря ЦК КПСС. Правомерен вопрос: каковы же итоги его деятельности во главе нашего государства? «Простой народ их уже подвел. Это развал нашей великой и могучей державы. Народ увидел и понял: ни одно обещание, данное М.С. Горбачевым на XXVII и XXVIII съездах КПСС и XIX всесо-

юзной партконференции не выполнено! Его указы, изданные в бытность президентом, не просто не выполнялись, а откровенно игнорировались в союзных республиках. Распоряжения, направленные на укрепление внутреннего порядка в стране, также не выполнялись. Его округлые, витиеватые речи до поры до времени затуманивали головы людей и привели нас к сегодняшней трагедии», – пишет в «Советской России» В. Поскребышев. Другой корреспондент «Советской России» А. Миронов, ветеран войны и труда, пишет: «За начало перестройки – честь и хвала М.С. Горбачеву, но он виноват в том, что лозунг «больше социализма» так и остался лозунгом. На практике перестройка привела к развалу величайшей державы мира и всей системы социализма, Варшавского договора и Совета экономической взаимопомощи, к запрету КПСС, нанесению огромного ущерба международному и коммунистическому движению.

О перестройке, о Горбачеве появилась масса статей в газетах и журналах. Его деятельность на посту генсека и президента подвергается критике, подвергается критике он сам как политический лидер. «Я не верю в то, что кто-то сегодня возьмет Горбачева в лидеры, тем более коммунисты. Горбачев – фигура политически законченная. Он может в каких-то партиях делать вид, что заседает, но народ никогда не простит ему предательства, низости по всем стандартам, потому что он проявил не только политическую низость, но низость и человеческую... Даже в той ситуации, в которой он был, его отказ от партии – это такая низость, которую не позволил бы себе в мире ни один король, ни один капитан баркаса, а он позволил», – так пишет в «Советской России» в статье «Русский предел» за 14 марта 1992 года Эдуард Лимонов.

В той же «Советской России» под рубрикой «Нынче времечко такое» печатаются частушки со всех концов России, посвященные перестройке, Горбачеву, демократам, беспорядкам, установившимся в стране в перестроечное время.

Перестройка, перестройка,
До чего ты довела –
Скоро все ходить мы будем
В том, в чем мама родила.

Или вот еще такая интересная:

Чтобы впредь реформой дикой
Не терзал нас баламут,
За развал страны великой
Реформатора – под суд!

«Частушки вызывают в нашей семье настоящие взрывы смеха. И, знаете, легче стало жить. Честное слово! Нас много, мы одинаково страдаем, одинаково думаем и одинаково не унываем», – пишет о частушках читательница Т. Сунцева.

Смех, как говорится, смехом, а жизнь-то вверх мехом. И особенно она изменилась и подорожала со второго января 1992 года, когда правительство России – Ельцин, Бурбулис, Гайдар – отпустили цены и начали приватизацию. Продукты и промтовары подскочили в 10-20 раз, а иные и более. Фиксированные цены остались только на хлеб и молоко, а пенсия и зарплата – без изменения. На нас, ветеранов войны, это повлияло более морально, чем материально. С первого декабря 1992 года Рае была установлена пенсия как инвалиду войны более 1600 рублей, а мне за 700. Дети наши – Валера, Галя – спрашивают как мы живем, хватает ли пенсии, чем помочь. Галя при каждом удобном случае с попутчиками посылает то рыбы, то мяса, то еще чего-нибудь. Пришел с морей Сергей, звонит и спрашивает:

– Как живете, послать ли вам денег?

– Не надо, они у нас есть!

– Дак ведь всё подорожало, пенсии-то наверное не хватает?

– Пенсию нам прибавили. Теперь мы на двоих получаем более двух тысяч рублей в месяц. Рая послала на день рождения Вале и Игорю сто рублей да коробочку лукума. Поздравляем Валу и Игоря с днями рождения! Передай им, Сережа, наше поздравление!

А в трубке голос Игоря:

– Дедушка, не болей, занимайся физкультурой!

– А ты, Игорюша, как чувствуешь?

– Не болею, занимаюсь спортом!

– Поздравляем с днем рождения!

Игорь – сын Сережи и Вали. Родился 13 марта 1986 года. Желанный ребенок, долгожданный. В том 1991 году Сережа с семь-

ей жил у нас почти всё лето. А курортный сезон открыли Катя и Павлик. В конце мая они были у нас, затем приехали Галя и Володя. После отъезда Мурашкиных приехал Сережа с Валей и Игорем. С родителями договорились что в ближайшее время будем крестить Павлика и Игоря.

25 июля пришли в Екатерининскую церковь. Ждем-пождем, а Вали, Сергея и Игоря нет. Окрестили Павлика. 25 июля – день ангела Павлика. Этот день – рождение Симона Воломского, святого христианской церкви, внесенного в церковную книгу «Минеи». Рассказ Раи о Симоне Воломском сохранился у меня в памяти. Перед крещением Павлика в церкви я увидел икону – отрубленная голова плавает на воде. У меня появилась догадка: это голова Симона! Но был не уверен.

После крещения подхожу к священнику Ивану и спрашиваю:

– Чья голова на иконе изображена?
 – Это голова Симона Воломского!
 – Скажите, а есть ли что-нибудь в церковной литературе о Симоне?

– Есть!

– Разрешите почитать, – прошу молодого служителя церкви.

Он принес толстую книгу, нашел описание жизни Симона Воломского и подал мне. Читал и удивлялся: всё совпадает – то, что рассказала Рая, и что написано в книге. Удивительно: прошло около четырехсот лет, а народ сохранил память о Симоне. Вроде запомнил, а когда стал писать – не получается, пришлось еще раз просить книгу и дословно записать. Вот полный текст записи в «Минеи».

«Преподобномученик Симон Воломский (в миру Симион Михайлович) родился в 1586 году в семье крестьянина монастыря Волоколамской вотчины. В 1607 году, в смутное время, его отец, разорившись, отправился на Север, а преподобный Симион пошел в Москву. Там он нашел работу у одного портного и научился портняжному ремеслу. Вскоре святой Симион покинул Москву, наполненную тогда изменниками отечества, и пошел в Устюг, а затем в Соловецкий монастырь. Однако из-за многолюдства в прославленной обители преподобный Симион, жаждавший уединения и безмолвных подвигов, перешел в пустынный монастырь в честь Грузинской иконы Божьей Матери на Черной горе на реке Пинеге.

Игумен этой обители Михаил постриг святого в монашество с именем Симон.

Смирняя свою плоть, преподобный Симон усердно исполнял самые тяжелые монастырские послушания, но не довольствуясь этим, носил под одеждой жесткую власяницу. Строгая подвижническая жизнь снискала ему любовь и уважение братии. Слава о его равноангельском житии стала известна в округе и преподобный Симон ушел из обители. Некоторое время он путешествовал по монастырям Новгородской, Московской и Вологодской епархий, а затем в 1613 году поселился в 80 верстах от Устюга, в глухом и непроходимом месте Воломы или Воломском лесу на реке Кичменьге. Там преподобный Симон поставил келию и в течение пяти лет жил в одиночестве, в подвиге поста и молитвы. Пропитание он добывал своим трудом: расчищал лес, обрабатывал землю и выращивал овощи. С течением времени близ келии преподобного Симона поселилось несколько пустынников и был построен храм. Однако вскоре после освящения храм был сожжен окрестными поселянами, опасавшимися что к храму отойдут их земли. Преподобный Симон не пал духом и испросил у архиепископа Ростовского Варлаама грамоту на постройку новой церкви. В 1620 году был построен храм в честь Воздвиженья Креста Господня. В том же году преподобный Симон был поставлен игуменом.

Преподобный игумен Симон был для братии примером трудолюбия, смирения, простоты сердечной. Посты и молитва были главным делом иноков. Однако враг рода человеческого продолжал настраивать против святого старца некоторых крестьян. Дарованная царем Михаилом Федоровичем жалованная грамота на владение землей в округе на 10 верст вызвала у них зависть и злобу. Однажды три злодея напали на святого старца, когда он один рубил лес, навалили на него колоду и грозили убить, если он не отдаст им грамоту на землю. Монастырские люди освободили святого.

12 июля 1641 года, когда большинство иноков ушли в Устюг на праздник в честь праведного Прокопия Устюжского (память 8 июля), злодеи пробрались в монастырь и, найдя преподобного одного, вновь стали требовать грамоту. Они повели его в церковь, думая что грамота находится там. Святой старец, придя в храм, со слезами помолился Божьей Матери и причастился святых тайн, а затем сказал: «Теперь делайте со мной что хотите». Осыпая его ру-

гательствами, разбойники «много мучиша, надругающиеся ему и ножи разбодоша святое тело и, наконец, отсекоша честную главу его, и повергоша тело его близ его кельи».

Тело преподобного Симона было с честью погребено с левой стороны созданного им храма. В скором времени у могилы святого стали совершаться чудеса, в основном исцеления больных. В 1646 году началось почитание преподобномученика, ему была составлена служба с описанием жития и чудес. В 1648 году старец Архангельского монастыря Исания Гольцов написал икону преподобного Симона. В «Иконописном подлиннике» о нем сказано: «Подобим мало надсед, брада подоле Николины, курчевата, на конец четыре космочка, власы на голове велики, по плечи, в мантии, в схиме» (Минея, изд-во Московской епархии, 1988).

Через несколько дней крестили Игоря. Дима тоже крещен. Валя, Валерина жена, крестилась в Устюге. Там Паша Новосельцева, наша однополчанка, организовала этот священный обряд в главной церкви города, куда сама ходит, поет в хоре и числится в активе. Осталась некрещеной внучка Катя.

После провозглашения перестройки совершение религиозных обрядов стало проводиться свободно. Число безбожников сократилось, а верующих и сочувствующих церкви многократно увеличилось. Восстанавливаются разрушенные храмы, строятся новые, повсеместно проводятся богослужения. Рождество и Пасха стали нерабочими днями. Церковь проводит большую работу по идеологическому воспитанию народа. В такой непривычно новой обстановке, в Екатерининской церкви на крещении внуков, вспомнились детские годы.

В унежемской церкви с матерью бывал, помню, несколько раз до ее закрытия и разрушения. Так же как и сейчас запомнился блеск алтаря, икон, пение священника и хора, причастие, когда священник Владимир вливал в рот с маленькой ложечки сладкую и вкусную жидкость.

В праздники деревня оживала. О Рождестве сказка стояла на дворе: хрустальные прозрачные короткие дни с деревьями в кружеве инея. И ночи звездные, и в северном сиянии. В Рождество с братом ходили по домам, славили: «Рождество твое, Христе Боже нас...»

После пения хозяева одаривали козульками – северной стряпней. А взрослые в святки вынимали из сундуков и коробьев лучшие наряды, устраивали посиделки, ходили по гостям, катались по деревне на лошадях, с горок на санках. Потом было Крещение, за ним веселая Масленица.

К весне Унежма оживала. Поморы готовились к промыслу. Не забыть, каким большим событием было плавание на Мурман по Белому и Баренцеву морям с отцом и братьями. Тогда, восьми лет, отец стал приобщать меня к поморскому труду, я получил первое рыбацкое крещение. В становище Шельпино несколько раз в шняке выходил в открытый океан ловить кормилицу-треску.

Живо, как наяву, предстает то, чем жил до пятнадцати лет на родине. Деревня моя у моря! Вода с трех сторон и варак на берегу. Шум моря и сосен слышны днем и ночью. Морские воды шепчутся с берегом, ведя то негромкую беседушку, то грозно шумят. Море для меня – родная стихия. Бесчисленно много раз бродил в нем с продольником, торбая камбал. Ловил в губе Смолениха от Варничной варак до Сосновки, в Унежемской губе от Великой варак до Челицы, и всегда море одаривало рыбой. В голодные годы оно спасало от смерти, в военное лихолетье рыба была основной пищей унежмов.

Милое, дорогое незабываемое детство, как скоро оно кончилось! Тогда же кончилась единоличная жизнь, отец не стал ходить на Мурман. В деревне появился колхоз, закрыли церковь, богатых раскулачили, выселили из своих домов, сослали. Много погибло людюшку от кровожадного грузинского злодея. После смерти Сталина потеплело, но система правления осталась та же. Сейчас семь лет продолжают реформы, идем к рынку, а конца не видно.

– Дедушка, пойдем домой, я уже окрестился! Мое крестное имя Гаврик! – радостно лепечет Игорь. А Павлику дано имя Симон, – добавляет внук.

Да, теперь мы все, кроме Кати, крещенные. Но при первом же ее посещении Петрозаводска тоже будем крестить. Теперь нашей единственной внучке двадцать один год. Закончила коммунально-строительный техникум. Все это время жила и училась у нас. Три с половиной года прошли незаметно – так кажется сейчас, а тогда было всякое.

Первоначально Катя поселилась в общежитии техникума, но жила там недолго. Приходит к нам и говорит:

– Дедушка и бабушка, я переночую у вас?

– Ночуй, ночуй, Катюша, сколько хочешь, мы тебя не гнали в общежитие. Наверное там плохо?

– Долго не спят, бегают по комнатам, не дают уроки готовить.

– Дак живи у нас, не ходи к этим сумасшедшим студентам!

Частенько Катя приходила с подружкой, такой же тихой домашней девочкой Таней. Они разговаривали, готовили уроки, пили чай. Тане не нравилось общежитие, стала отставать в учебе, вскоре бросила техникум и уехала на родину в Анапу. Кате тоже, видимо, было нелегко, и однажды она сказала:

– В нашей группе осталось чуть более половины студентов. Многие уезжают. И я, наверное, уеду домой.

– Нет, внученька, домой не поедешь. Поступила так учись. Привыкнешь! – сказал я Кате.

– Уедешь, а где будешь работать? Ни специалист, ни опыта, да еще и несовершеннолетняя, никто на работу не примет. Только сейчас и учиться, а повзрослеешь – не до учебы, – говорит Рая.

После этого разговора Катя успокоилась и училась прилежно. Последний год перед защитой диплома засиживалась за книгами и чертежами за полночь. На выпускном вечере я присутствовал. Директор техникума отметил Катю среди хороших студентов и вручил похвальную грамоту.

Через год после внучки закончил железнодорожный техникум внук Дима – сын Вали и Валеры. Дима способный юноша, мог бы учиться на четыре и пять, но не хотел, придерживался такого существовавшего среди мальчишек братства: не высовываться, не вылезать вперед. Чрезмерное пристрастие к этому иногда оставляло его без стипендии и с хвостами по отдельным предметам. Потом он нажимал на учебу и всё исправлял.

Во время учебы и после окончания техникума Дима часто ходил к нам. Он окреп, повзрослел, погрелся. Занятия спортом сделали его фигуру атлетической, ходил в подвал «накачивать» мускулы. Он говорил что его отправят в десантные войска или во внутренние. В то время в республиках начались инциденты, кое-где настоящая война. Валя забоялась отпускать сына в горячие точки и позвонила

нам. Рая согласилась походатайствовать за внука, пошла в военкомат, чтобы его отправили в связь, так как мы и оба наши сына служили в связи. Жена добилась желаемого. В конце мая 1991 года провожали Диму в армию. Вскоре он прислал письмо из Северодвинска. Там, на учебной базе Северного флота, учился на связиста, а осенью был переведен в Североморск на корабль «Тобол».

Валера работает на заводе «Авангард», хорошо зарабатывает. Младший сын Сережа работает главным механиком морозилок на БМРТ «Отто Гротеволь», а Володя, муж Гали – механиком крупнейшего консервного завода рыбокомбината в Мурманске. Галя – на корректировке морских карт и пособий. Все наши дети материально живут хорошо, обеспечены жильем, и мы рады: нашли они свое место в жизни, выбрали правильные дороги.

В январе 1992 года меня скрутила болезнь и я оказался в больнице. Опять сердечные приступы, невыносимые боли. Гале не говорили. Когда она узнала, была недовольна и сказала:

– Я приеду, возьму отпуск на недельку!

– Пока не езд, папе лучше стало, – отвечает жена. Ему делают капельницы, уколы, он стал поправляться.

Не хотелось ее отрывать от семьи, совершать поездку в это беспокойное время, нервничать.

В марте прошлого 1991 года, когда Рая лежала в железнодорожной больнице, уговорить не удалось. Приехала и жила целую неделю, каждый день ходила в больницу, готовила дома еду и носила больной матери. Доброта, милосердие, скромность присущи не только Гале, но и всем детям, Володе и двум Валям. Они всегда рады помочь, отдадут последнее, поделятся, не дадут в обиду, заступятся за малого или старого, уступят место в автобусе или троллейбусе. Учились жизни наши дети в семье. Никто из них не посещал ни садик, ни ясли, им не знаком детсадовский воспитатель. Первым домашним воспитателем была бабушка Екатерина Петровна. Дети ее слушались.

В конце февраля я вышел из больницы. Стал понемногу ходить, сначала около дома, потом подальше, заглянул в ближайший магазин. Цены на продукты ошарашили: масло сливочное 260 рублей, колбаса полукопченая 140 руб., сметана 60 руб., подорожали промтовары. Но это были еще цветочки: в 1992 году подорожание продолжалось, и казалось этому беспределу не будет конца.

Постепенно маршрут и время походов увеличивал и к концу апреля ходил по кругу: Октябрьский – Московская – Варкауса – Ленинградская, а в мае продолжил этот круг до Мурманской, потом попробовал сходить подальше: от начала Октябрьского до конца и обратно.

Началась весна в Петрозаводске. Выпадали солнечные теплые светлые дни. В конце мая к нам приехал Павлик. Спрашиваю внука о наболевшем:

– Павлуша, поехал бы ты со мной в Унежму?

– И не спрашивай, дедуля, я хоть сейчас! Вот только нам двоим с тобой не съездить. Если бы поехал папа!

– А когда у него отпуск?

– Об этом он ничего не говорил.

– Ладно, поговорю с Володей.

В один из телефонных переговоров спрашиваю Галю:

– Когда у вас с Володей отпуск?

– У меня осенью, а у Вовы неизвестно.

– Позови его, нам с Павликом хочется в Унежму, а без него мы не сможем.

Подходит Володя:

– Об отпуске пока ничего не знаю, но скоро прояснится.

На нашу радость вскоре он сообщил, что может взять его с 15 июля 1992 года. Мы с Павликом начали готовиться к поездке. Приехал Володя. Собрали всё необходимое в рюкзаки, и в первую очередь консервы мясные, молоко сухое и консервированное, кофе, чай, вермишель, крупу, сахар, сухари, белье, одежду и водку.

16 июля приехали в Нюхчу и сразу же пошли искать лодку. С трудом договорились с Сашей Кокотовым. Дали ему пятьсот рублей и две бутылки водки. В три часа ночи 17 июля были на щелье у Великой вараки, тут и решили отметить прибытие. Разложили костер, скипятили чай, достали провизию и бутылку. Саша уехал в Нюхчу, хотел порыбачить в реке, а мы пошли домой. Навстречу нам попадает Валентин Варзугин с корзиной: идет осматривать рыболовную снасть. Пришли к дому в шесть часов утра, попили чаю, кипяченного Ульяной, и легли спать в комнате за печкой.

Вторая половина июля – начало морошки. Идем все на Великий Мох к Тухручью. Ягоды есть, но зеленые нераскрывшиеся рохлячи, лишь кое-где спелая морошка. Решили идти за Тухручей –

может быть там побольше спелой. Но и там не лучше. На следующий день пошли ловить рыбу. На продольник попало мало, только на уху. В тот же день сделали две помахалки и решили ловить в реке, так же как делали в прошлые годы. Первый поход с помахалками принес удачу: ребята принесли почти полную корзину камбалух. Сварили уху, нажарили, да еще и подсолили. С рыбой хорошо – меньше хлеба расходуется. Хлеб и другие продукты берегли. С Нюхчи привезли восемь буханок и этого хватило на неделю, потом стали печь из оставшейся от прошлых лет подпорченной муки, а когда она кончилась, перешли на сухари. Сухари хорошо с ухой, а если их постоянно употреблять, надоедают.

За прошедшие дни побывали у всех обитателей деревни. Ближние к нам – Евтюковы Анатолий и Алевтина, пенсионеры. Поселились, говорят, на постоянно. Завели корову, двух овец, посеяли картошку, ячмень, отремонтировали дом. Но с хозяйством у них не ладится: заболела овца и сдохла, баран ушел в овечье стадо Ольги, корова с телянком пасутся в колхозном стаде и не ходят домой. Молока от коровы не едали, его сосет теленок.

У них полная изба внучат и детей. Толя косит траву, ловит рыбу, ходит за ягодами. Дети-малыши каждый день ходят за ягодами с ведерком. Встречаю их на берегу и спрашиваю:

– Каждый день ходите на Варничную вараку за ягодами. Зачем вам так много их?

– Бабушка варенье варит. Пойдут дядя и тетя на станцию, продадут, купят билеты чтобы уехать в Архангельск.

Следующий дом – Варзугиных. Августа Ивановна домовничают, а Валентин ловит рыбу, носит ягоды, ходит за грибами. В следующем доме живет Иван Петрович Евтюков, пастух колхозного стада. С ним живет Николай Иванович, тоже пастух, постоянный житель Малошуйки.

Галина рассказывала, что осенью Ольгу обокрали. Воры через окно зашли в дом, в котором они с Вениамином жили, перевернули, забрали всё ценное.

– Пойдем, Иван Матвеевич, покажу что сделали со мной.

Повинюсь и идем в дом. В коридоре валяются мешки, корзины, разная рухлядь. В комнатах на полу кастрюли, битые тарелки, обувь, одежда, белье и многое другое. Раскрыты шкафы, опрокину-

ты сундуки, стулья и столы. Ольга Григорьевна села на стул и говорит:

– Вот что сделали, ворюги. И не стыдно им воровать у старого человека!

После смерти Вениамина жизнь Ольги переменялась. Теперь она зависела от многих, потому-то и отдала «Буран» и бензин Никандру Павловичу, связисту из Кушереки, за что он возит ей продукты. Онежанам отдала доски и коры, заготовленные Вениамином для лодки.

Выходим на улицу. Слышится шум мотора. Иду к складу, где обычно пристают приезжие, а навстречу под тяжестью мешка движется мужчина. Это Василий Михайлович Большаков из Онеги. Мы с ним знакомы.

– Привез муку Ольге Григорьевне, – поясняет он.

Василий Михайлович постоянно жирует около Унежмы: то в Сосновке, то в Челице, то в реке. Собирает морошку, клюкву, ловит сига, семгу, стреляет гусей, уток. У него прекрасная моторная лодка. По бурному морю, даже в шторм, ездит он без страха.

Живем в Унежме более десяти дней. Володя и Павлик ходят за морошкой, через день на рыбалку. Ведра наполняем спелой ягодой, рыбу едим до отвала, делаем сушё, часть отдаем Ульяне и Михаилу – они собираются ехать в Малошуйку. Рыба ловится. Каждый день ребята приносят по корзине камбал. Павлик пристрастился к рыбалке, носит по пятьдесят-шестьдесят рыбин, настоящий рыбак! Меня они не берут с собой – я часто отдыхаю, устаю, быстро ходить не могу, отстаю от них.

– Сиди дома, папа, – сказал Володя. Занимайся домашними делами.

И я сижу. Топлю печку, варю уху или суп, кашу или вермишель, в субботу топлю баню, а в свободное время хожу на вараку подышать сосновым целебным воздухом, посмотреть на море, на болото и лес, где гудят тракторы и паровозы на станции, заготавливающие лес. Иногда после обеда занимаемся заготовкой дров, потом Володя и Павлик ходят за водой на Крестовой колодец, а вечером играем в карты.

В один из теплых солнечных дней Михаил и Ульяна собрались ехать в Малошуйку. Принесли пожитки в лодку. Подошла вода и Михаил стал заводить мотор. А он не заводится, глохнет и встал.

Пошел помочь Володя. Через некоторое время завелся, но Михаил остановил: «Сегодня не поедem, сильный ветер, большие волны, лодка загружена». И не поехали. Продолжали собирать ягоды, ловить рыбу. А у Ульяны скреблись на сердце кошки – в Малошуйке жила дочь Надя с семьей, отпуск у них кончался и надо было увезти им морошку и рыбу. Недели через две, уже в начале августа, уехали. С ними собирался поехать пастух Николай за продуктами, но Михаил его не взял, сказал:

– Лодка перегружена, не возьму.

– В Малошуйке найду бензин, расплачусь, – привел последний аргумент пастух.

Но Михаил был непреклонен. Уехали вдвоем, хотя лодка может принять четверых человек и четыреста килограмм груза.

Николай Иванович стал собираться в поход пешком, ведь у пастухов не осталось муки, крупы, сахара. Иван Петрович остался один для присмотра за телятами, а их было немало, до ста штук. Они часто уходили в Сосновку и дальше. Через два-три дня Копченый¹ обещал вернуться с продуктами. Поверив в быстрое его возвращение, мы попросили привезти и нам продуктов. Дали пятьсот рублей и рюкзак.

Проходит день, неделя, а Коли всё нет и нет. Кончаются сухари. Пошли к Валентину, которого до сих пор не видели, в надежде что-нибудь раздобыть. По узенькой тропинке, по пояс в траве и крапиве добираемся до маленького домика на берегу моря, обнесенного деревянной стеной. Хозяин, Симоненко Валентин, оказался дома.

– Как поживаешь, береговик? – спрашиваю Валентина.

– Да так, потихоньку, – отвечает он.

– А как нынче со жратвой? Может сделаем бартер: ты нам муки и крупы, а мы тебе горячительного?

– Ничего у меня нет, за продуктами надо идти на станцию. Последние супы доедаю, полбуханки хлеба осталось, сахару тоже нет.

– Ну ладно, на нет и суда нет. Тогда может отвезешь нас в Нюхчу?

¹ Прозвище пастуха Николая Ивановича.

– Дак на чем везти-то? Нет ни лодки ни бензина, – грубо оборвал меня до того добрый и податливый Валька.

– Около дома на берегу у тебя всегда стояли плоскодонка и карбас. Нет мотора – вези хоть под парусом!

– Под парусом далеко не уедешь, а уедешь – как вернуться назад? Нет, это не подходит.

Наше положение становилось критическим: не было хлеба, кончилось масло, сахар, крупа. На возвращение Копченого не оставалось никакой надежды. К обеду следующего дня вернулись с реки Володя и Павлик. Сварили грибной суп, поели с сухарями. За обедом говорю Володе:

– У нас один выход: идти на станцию за продуктами или уезжать из деревни.

– Нет, папа, уезжать нам нельзя и не на чем, лучше идти на станцию. Давай сходим договоримся с Валентином.

На другой день рано утром Володя и Валентин ушли вверх по реке. Через два дня Володя вернулся с полным рюкзаком продуктов. Принес масла, сахару, хлеба белого и черного. Мы опять зажили как пань: варили и жарили рыбу, носили морошку, чернику. Заполнили морошкой два пятнадцатилитровых, десятилитровое ведро и бидончик, собрали коробку с сушьём и готовились к отъезду. Из Малошуйки должен был приехать Сергей, с которым Володя договорился чтобы он нас увез.

Сергей появился неожиданно на двух лодках с двумя ребятами. В тот день мы рыбачили на горбылях. Закончив рыбалку, шли домой через Мироныщину (кладбище), а он со своими друзьями и с Иваном Петровичем ставил оградку на могиле Вениамина. Пригласили Сергея в наш дом. Вечером, подвыпившие, они пришли. Распили бутылку водки, ели уху и камбал. Уходя домой, попросили еще бутылку.

Хорошо нам было одним жить в доме. Рыбу стали запекать по предложению зятя в фольге в русской печке. Вкуснятина! Жалею только об одном: не могли запечь ее в тесте, не было муки.

Был назначен день отъезда, но желающих оказалось больше чем увезут лодки. И тогда решили, что два лишних человека должны уйти на станцию пешком, а оттуда на поезде добраться до Малошуйки. Выбор пал на более сильных: Толю Евтюкова и Володю. На берегу у лодки я увидел Эллу Пестову, пришедшую накануне со

станции. От нее узнал: к Валентину пришли ленинградские туристки и он с нами не поедет. Она же сообщила что есть фотокарточка унежемской церкви XIX века. Как бы хотелось ее посмотреть!²

Фото церкви В.В. Суслова (1886 г.), привезенное в Унежму летом 1992 года.

Едем по морю. В каждой лодке по четыре человека. Море спокойно, на небе солнце, тепло. Около Сосновки мотор на нашей лодке отказал.

Приехали в Малошуйку после полудня. Архангелогородцев Сергей сразу же на мотоцикле увез на станцию, а нас вторым заходом. Жанна и Галина Ивановна уехали в Архангельск, а мы ждали

своего поезда еще пять часов. За это время сначала Володя и Павлик сходили к Ульяне и Михаилу, потом я. Рядом с ними живет Анна Григорьевна, моя двоюродная сестра. Зашел ее навестил.

В Петрозаводск наша троица прибыла шестнадцатого августа, ровно через месяц после отъезда, а через день Володя и Павлик отправились домой. Владимир торопился в Мурманск, там у него была договоренность о покупке автомашины. Но, как он потом сообщил, сделка не состоялась – хозяин отказался продавать.

И еще одна причина была для спешки: осенью Катя, его дочка, должна была выходить замуж. Об этом мы с женой узнали от Гали, которая еще весной позвонила нам и радостным голосом сообщила:

– У Кати и Андрюши свадьба назначена на тридцать первое октября, приезжайте!

² Туристками были составитель данного сборника и ее подруга. В подарок Валентину Симоненко мы привезли фотографию церкви В.В. Суслова 1886 года. Когда началась моя переписка с Иваном Матвеевичем, я послала ему копию, так что его желание сбылось.

– Галя, я безгранично рад, что Катюша и Андрей создают семью. При любой болезни, при самом плохом самочувствии приедем обязательно! Но извини, Галя, я хочу услышать Катю.

– Дедуля, приглашаю тебя и бабулю на нашу свадьбу. Будем ждать, – звучит знакомый голос.

– Спасибо, Катюша, приедем. Спасибо, родная!

Заволновался, говорить не могу, в горле комок. Но быстро оправился и спрашиваю:

– Давно ли ты знаешь Андрея, надежный ли он будет в жизни как муж?

– Не очень давно, но надеюсь. Мы решили создать семью, – отвечает внучка.

Я радовался: сбывается моя мечта – будет у внучки семья, побываю на ее свадьбе, появится правнук или правнучка. Катю я любил безгранично, мы с женой к ней привыкли, ведь не менее половины своей жизни она была с нами в Мурманске, а потом в Петрозаводске. Любил за то, что всегда слушалась, умела печь, варить, мыла полы, стирала белье, шила на машинке – в общем могла делать всё. Никогда не унывала, не жаловалась, была готова к семейной жизни.

Закончился август, прошел сентябрь, наступил октябрь. Отпраздновали 73 моих, потом 70-летие Раи. На дни рождения приезжала Галя, в то время у ней был отпуск. Сережа находился в морях.

28 октября выехали на свадьбу в Мурманск. С нами Евдокия Васильевна – жена покойного Павла Петровича, брата Раи, и Валя – жена Валеры. В вагоне было холодно, пьяница-проводник еле-еле топил, чаю не было, хорошо что с собой был термос, наполненный бодрящим кипятком.

Встречали все: Галя, Володя, Сергей, Валя, Игорь, Катя и Андрей. Андрей мне сразу же понравился. Выше среднего роста, подтянутый, немногословен, уважительный, он сразу же завоевал мое расположение. Об Андрее я кое-что знал и от жены, которая ездила в Мурманск в мае, и от Гали: Катя и он крепко подружились, ездили вместе в отпуск с мамой и братом Андрея, он завсегда тай в семье Мурашкиных, пишет стихи. Вот она, книга, привезенная Галей. Автор – Андрей Волков, название – «Хотя бы каплю веры», дата – 1991 год, издатель – мурманское отделение Всероссийского фонда культуры. Прочитал от начала до конца одним духом. Двена-

дцать стихотворений, небольших, но заставляющих задуматься. Какая-то философия жизни, дел и поступков, дума о теперешнем и будущем в этой маленькой книжке поэта. Ну да ладно, не буду обсуждать, в поэзии я ровно ничего не понимаю. Лучше приведу несколько строк из стихотворения:

Пока сверкает злобно и без меры
В руках судьбы неумолимый меч,
Дай мне, Господь, хотя бы каплю веры
И сил, чтоб я сумел ее сберечь.

В Мурманской газете «Рыбный Мурман» за 5 сентября под рубрикой «Заполярье литературное» В. Смирнов дал рецензию на стихи Андрея Волкова: «Можно дать детальный анализ творчества молодого поэта. Но ведь эта книга – начало, и у Андрея еще всё впереди».

Все трое поселились у Сергея. Нам была отведена отдельная комната, в которой диван и кресло-кровать для сна, белье. Сережа вернулся с промысла и был дома.

Утром идем во дворец бракосочетания на регистрацию. Тут все Мурашкины, Ульяновы, Волковы, подружки Кати, друзья Андрея. Катя в красивом белом платье, Андрей в темном костюме. После регистрации подходим к молодоженам, поздравляем с законным браком, дарим цветы, высказываем пожелания, фотографируемся. Всё красиво, торжественно, незабываемо. Выходим на улицу. Стоят празднично украшенные машины, и в одну из них Андрей несет на руках свою молодую жену.

Вечером к 18 часам собираемся в кафе «Айсберг» на улице Полярные Зори. Вышли за полтора часа до начала, но пришли с опозданием. Евдокия Васильевна совсем плохо идет: задыхается, часто останавливается, кашляет. Ночью плохо спит, в основном сидит. Встречают нас Галя и Володя.

– Мы вас ждем, все собрались.

– Извините, что-то плохо ходят ноги.

– Ладно, пойдем раздеваться, – говорит Володя.

Большой зал кафе занят полностью. Тут не менее пятидесяти человек. Томадит на свадьбе подружка Гали, Людмила Тахонова. Молодоженам подносят подарки, деньги, цветы. Всё действие фик-

сируется на пленку. Произносятся тосты, пожелания, и конечно традиционное «горько!» После питья горячительного и обильной закуси большинство подалось в фойе покурить, потанцевать, размяться. Павлик организовал лотерею. Цена билета – 25 рублей. Гости активно играют. Я выиграл подставку для посуды, Рая поднос. Пока мы играли, утащили злодеи Катюшу. Теперь сторонники Андрея ходят по кругу и собирают деньги, чтобы ее выкупить. Наплясавшись, накурившись, а кто и просто отдохнув, собрались за стол. Неутомимая Люда-тамада приносит два кочана капусты и дает молodoженам:

– Ищите, в одном кочане девочка, в другом мальчик. Кто скорее найдет!

Торопятся внуки. Листья капусты летят во все стороны, мелькают пальцы, а куколок всё нет и нет. Подходит Люда:

– Да разве бывают дети в капусте! Знайте, они рoдятся от пап и мам, их горячей любви!

Все смеются, раздаются аплодисменты, а Катя и Андрей, поверившие в шутку, смутились немножко, но тут же оправились в общем шуме веселья. За новобрачных, их родителей, дедушек и бабушек, гостей то и дело звенят бокалы, раздаются здравницы. Чувствую, близко подошли к песням, и объявляю:

– Первую песню предлагаю спеть о Катюше!

Зал загremел аплодисментами и пошла, полилась песня о любви, о преданности, о горячих и светлых чувствах:

Расцветали яблони и груши,
Поплыли туманы над рекой.
Выходила на берег Катюша,
На высокий берег, на крутой.

Веселье продолжалось до закрытия кафе.

Первое ноября – венчание Андрея и Кати. Тихо, торжественно. Перед священником пять пар. Первая пара – наши дети. Оба стройные, красиво и нарядно одетые. Здесь, в большой высокой церкви, это особенно чувствуется и как-то по особенному воспринимается. У всех в руках свечи, венцы над головами. Священник продолжает святое действо, идет съемка на пленку.

А мне на память приходят прожитые годы. Учеба внучки в школе, в техникуме, жизнь у нас. Удивляет: никогда не видел ее с парнями, особенно на пару. Девчонки ее возраста – Лариса уже три года замужем, Наташа в прошлом году завела семью, а Катя и говорить не хотела о замужестве. И вот нашла принца! Видимо только сейчас подошло ее время, появился любимый человек.

Вечером собрались у Гали и Володи. Гостиная полна людей, в основном молодежи. Веселятся, поздравляют, шутят, смеются, выпивают. Улучив свободную минутку, уединяемся с Андреем.

– Когда начал писать стихи? – спрашиваю его.

– С четырнадцати лет.

– А почему раньше не публиковался?

– Невозможно пробиться, тем более начинающему. В этой книжке-малышке много переделок. Это не всё, дома еще есть несколько тетрадей. Мои песни исполнял оркестр, в котором я тоже участвовал. Дома на своих инструментах я подбираю мелодии, наигрываю такт.

В свои двадцать четыре года он кое-что сделал: отслужил в армии, работает, пишет стихи и музыку. Эта работа, стихи и музыка поглощают много душевных сил и потому-то постоянно задумчив, сдержан, немногословен, редко улыбается. По себе знаю: когда писал «Страну Поморию», думал только о ней, всё остальное было на втором плане или вообще не существовало.

Поездкой в Мурманск мы предусматривали посещение могилы моей матери Марии Максимовны в Полярном, посещение могилы Павла Петровича в Мурманске, встречу с односельчанами и просто со знакомыми. Но ничего этого не сделали – заболели, не могли ни ездить ни ходить. После свадьбы сразу же проводили Диму в Североморск, в тот же день Валю – ей надо было на работу, а потом сами уехали. Долго лечились дома, а Евдокия Васильевна с простудой лежала в больнице.

Книгу закончил в сентябре, но она до сих пор не отпечатана. Решил ее пополнить свежим материалом. Его много: поездка в Унежму, Катина свадьба, да и время нынче не застойное, меняется на глазах. Жизнь дорожает. Продукты, промтовары не по силам,

цены страшные: масло 650-700 руб., сахар 160-170 руб., молоко 40 руб., колбаса 450-500 руб., сыр 500 руб., мясо 250 руб., треска 250 руб., лещ 460 руб. Правда пенсия наша увеличилась в два с половиной раза, у меня – 9300, у Раи двойная – 12890 руб. Не привыкли к таким ценам, боимся их.

В подорожании жизни многие винят правительство Егора Гайдара. А что оно может сделать? Поставь хоть золотое, лучше не будет. Истоки разрухи и обнищания – в доперестроечном и перестроечном периоде, который затеяли генсек Горбачев М.С. и председатель Совмина Рыжков Н.И. Теперешним руководителям приходится исправлять ошибки, допущенные раньше. Не думал что в мирное время, после великой Победы, окажемся в бедственном положении. Победили лютого врага, пережили послевоенный голод и разруху, построили могучее государство и вот стали нищими, собираем помощь по всему миру. Горько и обидно!

В развале страны обвиняют коммунистов, членов партии призывают к покаянию. Но что могли сделать я и моя жена плохого для народа и страны? Мы работали честно, воевали, защищая Родину, платили членские взносы. За более чем сорокалетний стаж уплочено не мало, а отдачи никакой. Ушли наши денежки на санатории, спецбольницы, охотничьи дачи, гостиницы и многое другое для удовлетворения запросов высшей элиты КПСС. Они жили безбедно, в достатке, а простых людей, в том числе и нас, рядовых коммунистов, держали в страхе и нищете. За народом следило недремлющее око – сначала ВЧК, а потом ОГПУ, НКВД, МВД и, наконец, КГБ. Все это происходило на моих глазах. Родился я при Ленине в 1919 году, жил при Сталине, Маленкове, Хрущеве, Брежнев, Андропове, Черненко, Горбачеве. Вот сколько вождей прошло по моей жизни за семьдесят с лишним лет, а я всё живу! Сейчас Россией руководит избранный народом президент Ельцин Борис Николаевич.

С двенадцати лет начались мои скитания по чужим людям. Это Нименьга, Онега – учеба до семи классов. В Мурманске не жил а существовал у неродных родственников, оттуда и ушел в Красную Армию. Участвовал в Отечественной войне, в действующей армии с 1943 года. Много раз был под бомбежкой, артобстрелами, испытал окружение. Вражеские пули и осколки от снарядов и мин постоянно свистели около меня, напоминая о смерти. Наперекор всему выжил,

перенес контузии и ранения, голод и холод. Берегла и спасала меня материнская молитва.

Нелегко было и после войны. Семейную жизнь начинал с нуля, некому было помочь. Отец умер в 1944 году, а у матери было пятеро кроме меня. Пережил три года-перевертыша: названный 1919, 1961, 1991 – по канонам астрологов и ученых неблагоприятные. Не только они – вся жизнь не усыпана розами. Иногда мои родственники и сельчане говорили: «Тебе, Иван, жилось хорошо», и имели в виду, что я закончил семь классов. А знают ли они, как это мне досталось? Сколько раз я был голоден и сколько раз наедался досыта? И умирал, может быть, больше других: мое брюхо кричало от голода так же как у всех. Ходил босой, оборванный, грязный. Всю чашу горя и страдания испил со всеми до конца. И если жил когда-то лучше, то это за счет упорной работы, с полной отдачей работал по полторы-две смены.

Прочитав такие откровения, не подумайте что в моей жизни было только плохое. Конечно нет! Жил, как все. Были трудности, но были и радости, как у всех. Прямо и открыто пишу: прожитым доволен, и живу долго, и если бы еще довелось, кое-что сделал бы не так – получше.

Я рад, что пришлось жить в непростое, боевое время – двадцатый век. Лучшие мои годы – участие в защите Родины и послевоенный период, создание семьи и воспитание детей. Да, именно участие в Отечественной войне 1941–1945 гг., когда судьба Союза и России, жизнь народа были в опасности. Тогда я встал на защиту отечества, изгнание и уничтожение фашизма с нашей земли. И это был единственно правильный путь.

В мае 1945 года мы победили: повержен фашизм, освобождены народы Европы от гитлеризма. Победа не прошла даром. За нее человечество заплатило 50-ю миллионами жизней, и более половины – 27 миллионов – советский народ. В каждой семье горе и скорбь, и радость «со слезами на глазах». Радость неопишуемая – 418 дней кровавой войны, небывалой по масштабам в истории, ушли в прошлое.

Победный май не позабыт. 9 мая – всенародный праздник. Помнит мир спасенный советских солдат, чтит память погибших, чувствует живых:

Помнит Вена, помнят Альпы и Дунай,
Тот цветущий и поющий яркий май.
Вихри венцев в русском вальсе сквозь года
Помнит сердце, не забудет никогда.

Для нас, фронтовиков, любимей и дороже праздника нет. Сколько написано об Отечественной войне в стихах и в прозе, а сколько еще появится! Война 1941–1945 гг. – это неиссякаемый источник для историков и исследователей, писателей и поэтов.

Каждую годовщину Победы жду с нетерпением: не заболеть бы, дожить бы. Приходит май – и во мне появляются новые силы, поселяется радость, вспоминаются суровые годы войны и Победа. Ах какое это сладкое слово: Победа! Как оно согревает и будоражит. Передачи радио и телевидения готов слушать день и ночь, песни фронтовые и послевоенные. И кажется, всё это обо мне – маленьком винтике большой и кровавой бойни.

Мало осталось участников войны, уйдут из жизни и оставшиеся, но народ не забудет битву не на смерть а на жизнь, унесшую 27 миллионов жизней советских людей. Пусть их повергла физическая смерть, но в памяти народа, в истории они всегда будут жить:

Мне кажется порою, что солдаты
С кровавых не пришедшие полей
Не в землю нашу полегли когда-то,
А превратились в белых журавлей!

Так воспел бессмертие героев минувшей войны поэт Расул Гамзатов.

Самое большое и дорогое дело моей жизни – семья, жена и дети. Двоих сынков и дочурку вырастили и поставили «на крыло». Это цвет нашей жизни. Есть у нас и цветочки-голубочки: внучка Катюша и внучатки Дима, Павлик, Игорек. Надеюсь скоро появятся правнуки и правнучки. Доброго пути вам всем по жизни, здоровья, счастья, радости, благополучия!

Наш род не захирел, не вырожден, он развивается. Ведя счет от дедов Максимов, мы живем накануне шестого поколения. Наш род – трудовой народ. Это мореходы, рыбаки, мастеровые люди. Препоклоняюсь перед моими предками – мужественными помо-

рами, бесстрашными пахарями студеных морей. Наш род не выдвинул выдающихся личностей, но все были и есть настоящие люди. Быть человеком, настоящим человеком, похожим на лучших представителей моего рода, было моей мечтой. Я старался сохранить доброе имя родичей, продолжить их добрые дела и трудовые традиции.

Наша жизнь – это труд, работа. Работа до пота. Как работаешь, сколько зарабатываешь, какую пользу приносишь стране, себе, семье, так и живешь. Чтобы жить лучше, надо:

- быть терпеливым и настойчивым в достижении цели;
- проявлять постоянное стремление к совершенству;
- накапливать опыт работы и жизни;
- соблюдать законы отчизны и церкви, почитать ее служителей;
- уважать старших, жен, мужей, детей; следить, чтобы они были здоровы, сыты, одеты;
- помогать бедным, больным и инвалидам;
- жить в мире с родными, соседями и близкими;
- быть всегда и везде примером и, как писал пролетарский поэт,

Светить всегда, светить везде,
До дней последних донца,
Светить – и никаких гвоздей!
Вот лозунг мой – и солнца!

«Если ты, – завещал святой писатель древней Руси, – не можешь быть солнцем, будь звездой, не можешь быть большою, будь малою». Лучше не сказать!

*Март 1991 – декабрь 1992 г.,
г. Петрозаводск*